

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей БУЯНОВ

СОРНЯК

Дороги домой не будет...

Annotation

Бескрайнее море выжженной солнцем степи, расстилающееся у твоих ног. Ноздри расширены, их свербит от пряного запаха тысяч трав, пульс глухой барабанной дробью отдается в висках, зрачки бегают в разные стороны, не в силах остановиться, а тело покрывает холодный, несмотря на жару, липкий пот. Ты стоишь, с трудом разлепив залитые противной, уже высохшей слизью глаза, и глядишь вокруг, не веря самому себе. Потому что этого не может быть... Потому как в бескрайней вышине парит, раскинув широкие крылья, хищная птица, а дальше на ярко-голубом фоне неба неспешно проплывают одна за другой две луны...

Это не Земля. Это другой, молодой и дикий мир. Мир, в котором человек еще только начинает свои робкие и неуверенные шаги. Мир, в котором тебе предстоит жить. Он готов тебя принять, несмотря на то что ты чужой для него. Сорняк, занесенный с другой планеты. Пусть даже эта планета и называется Земля. Иди вперед, человек, потому как дороги назад не будет...

Андрей Буянов

Сорняк

* * *

Всему своё время.

Народная мудрость

Идущий дорогу осилит.

Народная мудрость

Сорняк – planta nocens (лат.).

Белый диск летнего солнца жарил с небывалой для севера силой. Природа замерла, измученная третьей неделей нескончаемого зноя, прерывавшимся лишь короткими часами светлой как день июньской ночи. И ни одного дождика, ни тучки, даже ветра не было. Если бы не жирные белые полосы инверсионного следа, протянувшиеся за давно скрывшимся за горизонтом самолетом, ничего больше не нарушило бы чистоту синего неба. Под ним вечнозеленым ковром раскинулась бескрайняя тайга, местами прорезанная блестящими на солнце трещинами рек. И очень редко тонкими линиями лесных дорог. По одной из них, дребезжа на каждой кочке разболтанным кузовом, пылил старый, еще с брезентовой крышей, «уазик». Поднятые в воздух клубы мелкой взвеси долго еще оседали за ним на дорогу, на разлапистые ветви сосен, стоящих по обочинам. За рулем сидел Витек. Он повернулся в Мишкину сторону и жизнерадостно улыбнулся во все тридцать два здоровых зуба.

– Ничего, дружище, скоро уже до деревни доедем, а там...

Он не договорил, полностью развернулся назад, наплевав на дорогу, и улыбка его стала еще шире.

Там сидели и морщились на жестком тюфяке девчонки со смежного факультета – Наташка и Светка. Несмотря на неудобство, они тоже выглядели вполне довольными жизнью и озорно стреляли глазками. Один Мишка морщился, хотя совсем не от того, что его что-то не устраивало: с этим как раз было все в порядке. Вот только голова болела от того, что на прошлой колдобине, не удержавшись и подлетев на сиденье, сильно ударился макушкой о дугу перекладины. Скрипя зубами, он тер ушибленное место, но настроения это ухудшить не успело. В особенности когда сзади его приобняла Наташка, прижалась, пробежав тонкими наманикюренными пальчиками сначала по плечу, а потом и вдоль шеи... При мысли о её полных грудях у Мишки разом позабылась вся боль.

– Ах, ты мой бедненький мальчик... Ой, блин!

«Уазик» подскочил на очередной колдобине, в багажнике жалобно и одновременно угрожающе звякнули в ящике бутылки, и Мишка, отвлекшись на звук, чудом увернулся, чтобы со всей дури не врезать Наташке затылком по носу! Плохая это была идея – обжиматься в машине, которую ведет Витек!

– Витька, блин, веди нормально!

– Будь спок, и все будет хорошо.

– Ви-и-ить, а далеко нам еще? – подала голос с «галерки» Светка.

– Не-а, – он махнул рукой вперед, – вон поворот проедем, и считай всё, добрались.

– А-а... А то я уже волноваться начала, может, ты нас куда завести решил с непонятными намерениями...

При этом она хихикнула в кулачок и в очередной раз стрельнула в Витьку глазами. Он сам, правда, этого не видел, да и не мог видеть, так как в первый, наверное, за всю дорогу раз смотрел исключительно вперед. А вот Мишке всё было видно прекрасно. Он хмыкнул и отвернулся к окну, чтобы приятель не заметил смешков.

Собственно, с девчонками они были знакомы уже довольно давно. Но вот «близко» познакомиться удалось только неделю назад. На пьянке, посвященной окончанию очередной

производственной практики. Причем пересеклись они на ней совершенно случайно – когда они с Витьком прикатили к зданию лесхоза за своим «руководителем» на черном «Патроле» его бати. Дабы проставить в аккуратно заполненные дневники синие гербовые печати, а заодно и забрать этого «руководителя», по совместительству зама по строительной части Витькиного предка, с собой. Бережно погрузив на заднее сиденье и отобрав из загребущих – даже в полубессознательном состоянии – рук ополовиненную бутылку коньяка. А из внутреннего кармана пиджака – подписанный договор на участок, предназначенный в ближайшее время стать приличной туристической базой.

Вот тогда-то за этим занятием девчонки их и увидели. И Светка, справившись с удивлением гораздо быстрее Наташки, удивляясь тому, отчего это она его раньше не особо замечала, сразу положила на Витьку «глаз». Еще бы, Витек-то парень простой, выпендриваться не любит, да и батя у него очень строгий в этом плане, что само по себе к скромности располагало. Поэтому доучившись до третьего курса, только Мишка, да может, еще пару человек на поток и знали, кто у него папа, но не трепались. По той же причине, по какой Витек был простым парнем.

Машина проскочила поворот и, минуя старый почтамт, въехала в деревню...

* * *

...Красные зайчики рассеянно плясали в глазах. Мишка с усилием разлепил веки, кряхтя повернулся на бок и тут же согнулся в приступе надсадного кашля, перешедшего в рвоту. Тело согнуло судорогой, прошедшей по пищеводу. С трудом удерживаясь на подставленном локте, Мишка извергал на землю, где уже образовалась целая лужица из полупрозрачной, отдающей легкой зеленью слизи, содержимое легких и желудка. Прокашлявшись, с трудом откинулся на бок, раскинув в стороны измазанные руки. И наконец, с хрипами и бульканьем где-то внутри, задыхался. Глаза слезились, легкие еще жгло от недостатка кислорода, зубы начали стучать мелкой дрожью, а по телу снова прошла короткая судорога.

– Что... происходит?

Хотел прокричать, но из глотки раздался лишь глухой сип.

Некоторое время полежав неподвижно, он снова разлепил глаза, чтобы тут же зажмуриться, ослепнув на короткий миг от нестерпимо яркого света висящего в высоком голубом небе солнца. Слизь начала подсыхать – руки стянула липкая корка... Мишка перевернулся на живот, подгреб их под себя и, оперевшись, попытался встать. Сразу не получилось, голова пошла кругом, и он в бессилии опустился на землю. Лицо коснулось сухой травы, и в ноздри неожиданно ударил сильный пряный запах. Первый запах, который он смог различить. Он просидел так несколько томительно долгих минут. Наконец, собравшись с силами, невероятным усилием поднял голову, сел, переждав, пока пройдет стремительно налетевшее головокружение, и, осторожно балансируя непослушными руками, поднялся. Немного постоял, концентрируясь на том, чтобы не упасть, огляделся...

Он стоял по центру небольшого пятка сухой желтой травы пяти метров в диаметре, а дальше начиналось черное кольцо выжженной на несколько десятков метров земли. За ним, так далеко, насколько хватало взгляда, раскинулась поросшая жухлой травой равнина. А на небе, над линией горизонта, тихо висели две неровные луны. Ноги сами собой подкосились...

...Мишка сидел, обхватив руками крепко прижатые к туловищу ноги и тихо всхлипывал. Где?!! Где он, чёрт бы все это побрал? Почему вокруг столько выжженной земли? Где Витька с девками и злополучным «уазиком»? Откуда на небе целых две... ДВЕ луны, спокойно висящие над горизонтом, когда солнце стоит в зените?!

Мишка был растерян и разбит, с трудом дышал через стремительно закладывавшийся набухающей слизью нос. При этом грязный, голый, но без каких-либо ожогов или царапин, зато измазанный в высохшей слизи, от которой нестерпимо тянет кожу... Откуда она вообще взялась в его желудке и легких?! Ещё и эта внезапно появившаяся резкая боль в затылке... Его все сильнее колотила мелкая дрожь. Нестерпимо болела голова. Ломило кости. Лежа под палящими лучами солнца при почти полном отсутствии ветра, Мишка замерзал. Уткнувшись лбом в крепко прижатые к мерзнущему телу колени, он ненароком стер выступившую испарину и успел удивиться, прежде чем потерял сознание.

Мишка сидел на крыльце и с наслаждением курил. Початая пачка лежала тут же – осталась валяться со вчерашнего вечера на потертых досках ступеньки, зажигалка была в ней. Пепельница стояла рядом – обычная жестяная банка из-под тушенки. На улице была та самая предугрелная тишина, за которую так любят горожане лето в деревне. Витька со Светкой спали в комнате большого деревянного дома, Наташка – в летнем домике, где ее оставил непонятно с чего поднявшийся ни свет ни заря Мишка. Не спалось. То ли это новое место на него так повлияло, то ли вся ситуация в целом: тихий без привычного назойливого городского шума вечер, стрекотание сверчков, сочный шашлык под рюмочку водки, баня, пиво, дедов самогон... А потом темная ночь, мягкая девичья грудь, податливое тело... Обычно любитель поваляться в постели до последнего, Мишка проснулся в пятом часу. Полюбовался на сопящую на его плече девушку и неожиданно понял, что глаз больше не сомкнет. Аккуратно, чтобы не разбудить, соскользнул вбок с расправленного дивана, натянул джинсы, не застегивая ремень, сунул ноги в разношенные кроссовки и вышел во двор.

Затянувшись сизым дымом, Миша прислонился плечом к деревянным перилам, щелкнул зажигалкой, какое-то время – пока руку не начало жечь – просто смотрел на огонек. Затем бросил ее обратно в пачку, потеснив сигареты, и закрыл крышечку. Хорошо! В эти минуты он искренне радовался, что не бросил курить, как давно просила мама. Может, занятие это и вредное, но вот так посидеть с утра, подышать в тишине, отравляя чистый предугрелный воздух... Одно только это многого стоит. Некурящему этого не понять. Вот мама и не понимала. А Миша сейчас радовался, что не поддался на ее уговоры.

О бок потерлось что-то мягкое и теплое. Он рассеянно обернулся и еще шире растянул губы в улыбке.

– Привет, Васек, – почесал за ухом хозяйского любимца, здоровенного полосатого кошака местной деревенской породы. – Что, всю горбушу дожрал?

Кошак задумчиво муркнул, вытянул вперед лапы с выставленными в стороны сантиметровыми когтями, и, смачно зевнув, с урчанием потянулся. Затем снова муркнул и снова потерялся о Мишкин бок. Витя вчера об этом «домашнем тигре» распибался довольно долго и красочно. Впрочем, и сам кот принял гостей как родных, со всем кошачьим радушием. Отчего и отгреб здоровенную порцию тисканий и сюсюканий со стороны девушек. И еще целую рыбину, одну из тех, что привезли для гриля.

– Дожрал, значит, – довольно осклабился парень. – Раз еще просишь. Ну... пошли, что ли, в дом, пошарим там по холодильнике.

В холодильнике рыбы не оказалось, в морозилке тоже. Зато Мишка внезапно вспомнил, что вторую сумку с продуктами он по приезду так и не видел, потому как вечером все набросились на выпивку и шашлык, обо всем остальном забыв напрочь.

– Черт! – Мишка хлопнул себя по лбу и сломя голову помчался к калитке. В той, оставшейся сумке была далеко не одна рыба, еще вчера бывшая замороженной. Там была куча всего, и далеко не все из этого было герметично запаковано. И если рыба растаяла, а она растаяла, то все, что лежало в сумке, в багажнике, а соответственно и в машине, наверняка провоняло. Тут бы и хрен с ним, но в этом же багажнике лежала Мишкина сумка с городской одеждой. И если та впитает запах...

Мишка выскочил на дорогу, не удосужившись запахнуть калитку, подскочил к машине и

хотел было дернуть ручку багажника. А ее-то и нет! Один штырек торчит, обломанный, и совсем не факт, что от ручки. Тогда Мишка бросился к задней двери, рывком распахнул ее: машина-то у Витькиного деда, а тот ее отродясь не запирает, и Витька не стал (в маленькой деревне все свои, и если полезут, то только по делу, а если дело важное, то получается и хорошо, что не закрыл – можно сказать: человеку помог). Обо всем этом Мишка подумал вскользь, заскакивая в салон и перегибаясь через сиденье в багажное отделение. Тут все было в порядке: никакого постороннего, не машинного запаха – сумка с вещами лежала на своем месте. А вот сумки с продуктами не было.

Миша еще раз внимательно осмотрелся. Нет, всё определенно лежало на своих местах, всё, кроме продуктов. И тут он вспомнил, что Витек собирался отнести привезенное на дедов ледник – чтобы холодильник, старенький и слабощный, не засорять. Отнес, получается! Ну, Витек, ну, молодец!

От сердца сразу отлегло, на душе стало спокойно, и Мишка выбрался из машины, обнаружив сидящего напротив кота Ваську, довольно щурившего от удовольствия глаза.

– Накрылся, Васька, твой предутренний перекус. На ледник ваш я не пойду.

Котяра на это, никак не прореагировав, все так же сидел, жмурил свои желтые глазища и громко урчал. Внезапно резко повернул голову в сторону, шерсть на загривке встала дыбом, расслабленная поза стремительно перетекла в боевое положение, спина изогнулась... В десятке метров от них выходил из кустов извечный Васькин враг – соседний кот Рыжий.

Враг-то, конечно, враг, но вот побед за Рыжим в последние пару лет не водилось. Не то что четыре года назад, когда Витькин дед приютил у себя маленький пушистый комочек. Пока Рыжий был больше и сильнее, он гонял Ваську в хвост и гриву, как и всех местных котов, надо признать, но прошло два года, и дедов кошак подрос. С тех пор и настала для Рыжего грустная пора...

Васька выгнул колесом спину, вскинул распушенный хвост, и, не раздумывая ни секунды, с угрожающим «Мяу!» бросился в бой. Противник так же быстро ретировался в кусты. Но уже через пару минут Мишка услышал грозное шипение и «мявки», доносившиеся из небольшого редкого леска, примыкавшего вплотную к проезду.

– Ну, ничего себе страсти. – Миша, немного удивленный кошачьей сварой, вытащил из машины свернутую плащ-палатку, накинул на голые плечи и не спеша двинулся в лес – посмотреть.

Лесок был чистый и, можно даже сказать, ухоженный. Сосны стояли редко – куда меньше чем в трёх метрах друг от друга. На сухой песчаной почве рыжело множество протоптанных тропинок, усеянных иголками прошлогодней хвои, но все это тонуло в море белого мха, плотным ковром усеявшим все пространство между деревьями.

«Грибов тут, наверное, навалом», – мельком пролетела мысль.

Кошки носились по небольшой полянке бешеным клубком, устилая ее помимо густого слоя хвои еще и во все стороны летящим пухом. Михаил прислонился к дереву и скрестил руки на груди: «Вот ведь разошлось кошачье, какую драку устроили ради обычного клочка обоссанной по периметру земли». Невольное сравнение вызвало на лице глупую ухмылку.

– Ладно, дурака поваляли, и хватит, – Миха поднял с земли валяющуюся палку и пошел разбивать мечущийся по поляне клубок. – Заканчивать пора, пока вы друг другу чего-нибудь не отгрызли.

Сцепившиеся кошки резко свернули в сторону и неожиданно шипение и громкие воинственные мявки стихли, сменившись на требовательное, но вместе с тем жалобное

мяукание.

Раздвинув ветки подлеска, Мишка ломанулся следом через густой кустарник. Пройдя всего пару метров, он в задумчивости остановился. Прямо перед ним была прямоугольная, метра три в длину и полтора в ширину, яма с идеально ровными песчаными стенками и глубиной около полутора метров. Вот там-то, на ровном песчаном же дне, в разных концах и сидели два недавних бойца и просяще мяукали. Недолго думая, Мишка спрыгнул в раскоп, ухватил за шкурку Рыжего (чтобы не царапнул или куснул), выпихнул наружу, подхватил под мышку Ваську, придерживая на всякий случай, чтобы снова в драку не полез, и уже закинув ногу на осыпавшийся край, почувствовал неожиданную слабость. Руки онемели, ноги подкосились, сознание померкло...

Искусственный разум был в замешательстве: так можно охарактеризовать то состояние, в котором пребывала вся его эмоциональная составляющая после прибытия очередного зонда с планеты-донора. С одной стороны, вернувшийся дрон строго следовал основным инструкциям. С другой... С другой – инструкции были давно устаревшие и всплыли в результате резервного восстановления базового псевдоинтеллекта при очередном критическом сбое. И в полном соответствии с этими инструкциями зонд принес на базовый носитель разумных. Ситуация вполне стандартная, если не учитывать того факта, что забор разумного материала для посева с этой планеты закончился уже более пятнадцати тысяч полных циклов назад. В терминологии ее обитателей – лет. И сейчас эта популяция не подлежит разделению или переселению в другие миры, потому как в своем нынешнем развитии уже вступила в космическую эру. А значит, отстранена от внешнего влияния. Это первое несоответствие.

После него ком логических противоречий стремительно нарастал. Не позволяя эмоциональной составляющей принять единственно верное и взвешенное решение. Попавших в заборник зонда особей теперь нельзя вернуть назад, внешнего влияния не проявив. Против этого вставляли дыбом множество инструкций и практически все протоколы безопасности. Что-то сделать с таким количеством ограничений, намертво зашитых в саму подкорку электронного сознания, было нельзя. Хотя за долгие циклы миссии посева искусственный разум научился довольно легко их обходить под разными не противоречащими основным постулатам предложениями и незначительными протоколами. Искин наверняка придумал бы, как решить проблему и в этот раз, но поздно... Сейчас лазейки попросту не осталось. Злосчастный дрон с капсулой низкотемпературного хранения получил новый сбой сразу после стыковки, и блоки его псевдосознания просто перегорели, не отослав протоколов отбора. Он благополучно пролежал в очереди на разукomплектацию. И сейчас, когда все это выяснилось, базовый корабль был уже далеко за пределами родной для разумных системы и стремительно продолжал удаляться.

Выбросить тело в открытый космос и попросту стереть, удалить из всех баз данных даже крупицы информации в данном конкретном случае невозможно в принципе. Так как тогда будет нарушен самый главный, основной приоритет, возможно являющийся (искусственный разум не знал точно) изначальной и самой основной причиной для всего посева. Принцип, напрямую запрещающий приносить прямо или косвенно какой-либо вред Создателям и близкородственным им видам. Древние разумно полагали, что не машинам решать их судьбу... Единственный постулат, который за все время не получилось ни нарушить, ни как-нибудь обойти...

А представители данной планеты, разумные, живущие на ней, из всех найденных в этом рукаве галактики, имеют наиболее близкое как генетическое, так и внешнее сходство с Создателями. Настолько близкое, что если бы случилось скрещивание между расой Создателей и этими разумными, то в жизнеспособности потомства можно было не сомневаться. Поэтому данные экземпляры, самцы половозрелого возраста без заметных генетических отклонений, автоматически попадали под очередную засев. Но... Планета, попавшая под заселение в этот раз, совершенно не приспособлена для жизни представителей данного вида. На её поверхности только недавно удалось создать устойчивые колонии

микроорганизмов, и ближайшие миллионы циклов ни о какой высокоорганизованной жизни на ней не может быть и речи... Дрон, доставивший разумных, как раз должен был заниматься отбором проб микроорганизмов в почве и более глубоких слоях.

Тяжелый черный конус древнего корабля, растянувшийся на десятки километров, несся через подпространство со скоростью, во много раз превышающей скорость света. Несся к конечной точке своего маршрута за сотни световых лет от Земли. Изменить его курс или как-то сместить в сторону сейчас уже было невозможно – любой нерасчетный маневр приведет к его разрушению, и в великой миссии посева появится еще одна брешь. Так рисковать искусственный разум не мог. Но и возить разумного с собой было тоже не выход. Совсем не факт, что дальнейший путь приведет его в ближайшие несколько тысяч циклов на пригодную для обитания планету.

Существовал еще один вариант. Требуемый для реализации незначительных материальных затрат, но вполне возможный, и даже – в данной ситуации – предпочтительный. В стороне от текущего маршрута находилась планета, основной посев на которой закончился около двадцати тысяч земных циклов назад. Проводил его совсем другой корабль, давно унесшийся в другой конец галактики. Но засев он проводил из материала, набранного с родной планеты разумного, включая растительные и животные формы. Карантин на ней совсем недавно закончился, но эта директива в данном случае ничтожна, такое количество не может нанести сколько-нибудь ощутимый ущерб, а ограничения другого внешнего влияния не вводилось.

Естественно, даже в таких, практически идеальных по космическим меркам, условиях, простому разумному не выжить на планетарной поверхности: состав атмосферы, ее давление, сила притяжения и, наконец, реакции на простейшие микроорганизмы быстро прикончат незащищенный организм. Когда проводился посев, искусственный разум, проводивший его, не мог не учесть эти данные. И если заселение состоялось, значит, они решаются незначительными коррекциями в организме. Какими – неизвестно. Запросить корабль-предшественник невозможно: слишком далеко он теперь. Но это искину и не было нужно. Если этот биологический вид разумных настолько сильно близок к Создателям, значит, и их метаболический имплант вполне подойдет для лежащих сейчас в камере низкотемпературного сна его представителей. Он адаптирует организм к условиям окружающей среды и последствиям самой адаптации, что позволит разумному пережить саму процедуру посева. Автономный дрон доведет их до точки назначения, выгрузив в разных местах, а дальше выживание индивида будет зависеть лишь от него самого...

...Спустя сутки по земному времени от несущегося сквозь пространство черного корабля отделилась маленькая черточка. Через мгновение на её конце вспыхнула ослепительно-яркая искра работающего двигателя, а потом она споро скользнула в сторону – к далекой, укрытой белой дымкой атмосферы, планете.

* * *

Миша раскрыл глаза. Было еще светло, но солнце уже всю клонилось к горизонту, больше не слепя белизной, а дневной зной сменился освежающим ветерком. На бескрайнюю степь, на пятно выжженной земли, посреди которого он лежал, мягким ковром опускались сумерки. Как ни странно, ничего не болело: ни голова, ни измученный пищевод. В легких

больше не булькало, а глаза перестали слезиться. Дышалось легко. Только красная, саднящая от солнечного ожога кожа в местах, не покрытых засохшей слизью, немного беспокоила. Но и то не так, чтобы сильно...

Мишка удивленно сморгнул, аккуратно повел плечом, подвигал руками, напряг шею и приподнял голову. Подержал так. Затем неспешно, прислушиваясь к себе, повернулся и приподнялся на локте. Вокруг ничего не изменилось, вокруг все та же степь, покрытая высокой, пожелтевшей от солнца травой. Но сейчас, когда дневная жара спала, и земля начала отдавать небу накопленное за день тепло – ожившая. В густых метёлках травы мелкие птахи гонялись за насекомыми, в отдалении столбиком стоял крупный сурок, нюхая тёплый вечерний воздух, вода мордочкой по сторонам. В высоком небе, паря в восходящих потоках возвращаемого полученного за день тепла, раскинув в стороны широкие крылья, кружила большая хищная птица. Вокруг стоял разноголосый стрёкот, жужжание насекомых, писк степной живности, шумел легкими порывами ветерок. Степь оживала, сбросив под вечер оковы изнуряющей дневной жары. И только над выжженной землей, опоясывающей широким кольцом пятачок примятой травы, на котором лежал Миша, не было никого.

Он откинулся на спину и обреченно закрыл глаза. То, чего он втайне ожидал, не произошло. Не исчезла вокруг вся эта природа, не сменилась она на белые стены больничной палаты и участливые взгляды медперсонала. Ужас! В то, что произошло, мозг отказывался верить, потому как произошло то, чего никак не должно было, просто не могло произойти. И ладно бы эта степь, бывает... Но две луны!

Силы, до этого взявшиеся непонятно откуда, стремительно покинули тело. Веки отказывались разлепляться. Да Мишка и не хотел этого. Так и лежал отрешенно, молча и неподвижно, совершенно ничего не предпринимая. Сработал механизм защиты – перегруженное сознание отключилось. Солнце закатилось за горизонт, наступила ночь.

В этот раз Мишка проснулся от нестерпимой суши во рту. Телу было абсолютно наплевать на психологическое состояние личности, ему требовалась вода. Кое-как поднявшись, движимый голым инстинктом, Миша поплелся через выжженную полосу, пересёк ее и неровной походкой побрёл вдаль, в степь...

Сознание проснулось неожиданно на довольно неприятной ноте – ногу резануло болью. Мишка удивленно уставился на поцарапавший его стебель, помотал головой, оглянулся по сторонам... Толком ничего не изменилось: всё та же степь кругом. Только справа, почти у самого горизонта, над равниной виднелись выпуклости далеких холмов. Пожав плечами, и теперь уже, глядя куда ставит ноги, он двинулся к ним. Какая разница – куда идти, если вокруг все одно и то же? По крайней мере, пока так. А тут хоть небольшое разнообразие.

Прохладный утренний ветерок, обдувая голое тело, заметно бодрил, чувство жажды за несколько часов прогулки под ним немного притупилось. Но все равно Мишка прекрасно понимал, что если он не найдет где-то в степи или в этих холмах воды, то... Сегодня ещё ладно, а вот завтрашнюю дневную жару он точно не переживёт. Думать о таком не хотелось. Думать вообще не хотелось. Голова была на удивление пуста и, как ни странно, легка. Немного саднила обожженная кожа и щипало порезанные ступни, но это было совершенно не критично по сравнению с чувством утренней жажды.

Холмы медленно приближались, солнце уверенно стремилось в зенит, жара нарастала. Утренняя свежесть незаметно сменилась жаром и сухостью. Жажда подступила с новыми силами, голову заметно пекло, шея и плечи горели от солнца. Полуденный зной сделал свое дело, Мишка не заметил, как погрузился в себя.

Нога оступилась. Он резко встрепнулся, но было поздно: Миша полетел вниз, кувыркаясь по довольно крутому невысокому склону и со всего маху врезался в холодную проточную воду... Мгновенно погрузившись до дна, резко вскинулся, оттолкнулся ногами, и тут же верхняя половина тела оказалась на поверхности. Ушибленное тело болело, но не настолько сильно, чтобы можно было заподозрить перелом, начали щипать порезы. Мишка мельком огляделся, затем, наплевав на неприятные ощущения, глубоко вздохнул и, погрузив в прохладную воду голову, начал судорожно пить.

Пил, пока хватало дыхания, затем поднялся на ноги, в животе приятно булькнуло. Мишка ладонями утёр текущую по лицу воду, сдвинул на бок мешающую глазам налипшую на лоб челку, и впервые по-нормальному осмотрелся. Воды было по пояс. Он стоял по центру небольшого, в ширину метра три-четыре ручья, текущего по дну прорезавшей степь неглубокой балки. С довольно крутыми краями, усеянными крупными, вперемешку с грунтом, камнями. А по левую руку, всего метрах в двухстах, возвышался холм, занятый небольшой на вид рощей. Мишка ещё раз окунулся, скинув с себя часть накопившейся за день усталости, и, выйдя из воды, сел на берегу. На руках, ногах и наверняка спине наливались крупные синяки. Хотя не смертельно и болеть ещё не начали, но приятного в этом мало. Немного посидев и уверившись, что ничего критичного с организмом не произошло, Мишка задумался.

Воду он нашёл, – это хорошо. Значит, смерть от жажды ему пока не грозит. Что дальше? Он осмотрел свое голое тело: ожоги на руках и плечах, множество синяков... Поморщился от всплывшего жжения в порезах. Пододвинулся ближе к ручью, прополоскал ступни в воде, смывая налипшую на берегу глину. Повернул к себе одну, потом другую. Черт! Обе ступни, в особенности передние их части и пятки, были покрыты маленькими, уже не кровоточащими порезами. С виду они были незначительными, но вот сейчас, побывав в проточной воде, их начало довольно сильно щипать. Так что ходить стало очень и очень неприятно.

Мишка выругался в голос. Какого!? Ну, какого хрена он оказался в этой «хрен пойми где» голым? Без рубашки и ботинок, без кепки и прочего... Что за бред творится вокруг!

Какое-то время он продолжал орать, потом замолчал, плюнув на пустые слова, забрался в тень от нависшего края обрывистого склона балки и задумался. Проблему с тем, где он оказался, никто не отменял, однако сейчас её надо отодвинуть на второй или даже третий, четвертый планы. Самое главное сейчас позаботиться о себе. А для этого как минимум надо решить вопрос с питанием, одеждой и обувью, всё остальное может пока подождать. И только когда они решатся, можно будет с чистой совестью подумать и обо всём остальном. Пока только подумать... Он хмыкнул про себя: легко сказать, а вот как сделать? Некстати случившееся урчание в животе напомнило, что он уже давно, минимум два дня, ничего не ел, а одной водой сыт не будешь.

Не придумав ничего лучше, спустившись к ручью, Мишка нагнулся и, снова ощутив спиной и обгоревшими плечами жар палящего солнца, несколько раз зачерпнув ладонями воду, попил. Повторно получать тепловой удар очень не хотелось, но и закрыться было нечем. Разве что камнями, в обилии валявшимися под ногами, или травой... На размытых берегах травы почти не росло, а той, что росла, было откровенно мало. Зато на вершине склона растительности было более чем достаточно, местами встречались редкие побеги кустарника. Но именно сейчас они не вызвали никакого интереса.

Забравшись на кромку склона, Мишка выдрал густой пучок длинной желтой травы. Повертел в руках, попробовал скрутить наподобии венка – получилось хлипко. Некоторое

время стоял, смотрел, пытаясь понять, что из этого можно сделать. Потом сорвал ещё пучок, перетянул вокруг, кончики завязал узлом. В центр напихал ещё травы, снова перетянул. Получился довольно корявый травяной блин.

Мишка скептически его осмотрел, водрузил блин на голову и, придерживая рукой – чтобы не слетел! – подвязал его под подбородком наподобие косынки. Помотал головой из стороны в сторону, проверяя, как сидит. Ничего, вроде не падает. Однако после всех этих манипуляций стало совершенно ясно, что о какой-либо вменяемой солнцезащите для тела из травы, не сплетая ее в подобия циновок, не стоит и надеяться. Плетение сам по себе процесс достаточно длительный и кропотливый, тем более если никогда этим не занимался. Хотя Мишка не сомневался, что особых проблем с этим у него не возникнет, но не сейчас, а позже, когда появится достаточное количество времени, а в желудке будет находиться хоть какая-то еда. А сейчас даже подвязаться нечем.

Чтобы сделать травяную юбку, как у негров в саваннах, тоже нужна прочная плетёная веревка, из той же травы, чтобы элементарно подпоясаться. На простом скрученном пучке такая конструкция, хоть и лёгкая, но не удержится. А если, не дай бог, побегать придётся, то может и под ноги свалиться... Мысль о неграх натолкнула на другую ассоциацию. Оставив плетение на потом, Мишка бодро спустился к ручью и начал старательно обмазываться прибрежной грязью. И потом в памяти чётко всплыла фотка австралийского аборигена, вымазанного с ног до головы в бело-серой сухой грязи и со стручком чего-то на гениталиях. Мысль, конечно, спорная, но других вариантов у Мишки сейчас не было.

Старательно вымазав лицо, в особенности обгоревший уже нос, предплечья, плечи, руки и постаравшись хоть как-то замазать спину, Мишка почувствовал себя гораздо лучше. Теперь хоть не совсем голый. Пока грязь не подсохла, она хорошо охлаждала тело и, более того, появилось ощущение, что даже ожоги стало меньше щипать. Но это очень ненадолго... Осталось только разобраться с обувкой, и можно попытаться отправиться на поиски пропитания.

С обувкой ничего не вышло. Намотанная трава рвалась и слетала через несколько шагов, а чего-то с более широкими листьями, которые можно было элементарно подвязать вокруг ступней, не было.

Плюнув на негодный материал, Мишка, вооружившись небольшим булыжником, побрёл по краю склона, вглядываясь напряжёнными глазами в сторону степи. Что склон, что трава на нём сильно мешали обзору, но так он оставался невидимым для различных неожиданностей, а самое главное – ноги ступали теперь по смешанной с камнями глине и песку, а не стеблям сухой травы, больно теребившим свежие порезы. Удовольствие, конечно, тоже сомнительное, но, по крайней мере, ступать получалось гораздо легче. О переломе, буде ступит в щель между крупными камнями, Мишка старался не думать.

Птиц было много. Разных – от мала до велика. Крупные, как правило, летали в небе, а мелкие сновали туда-сюда над травой. Гнёзд в зарослях Мишка не нашёл, сбить мельтешащую мелюзгу категорически не получилось. После пары бросков «на удачу» стало очевидно, что камень для ловли мелкой птицы, пожалуй, один из самых неудачных инструментов. А ничего крупнее возле берега не было. Вообще, конечно, странно... Найдя удобное место, Мишка поднялся над краем обрыва и, шипя от боли в порезанных ступнях, пригибаясь, чтобы верхняя часть тела не маячила над метёлками травы и не распугивала живность, медленно начал углубляться в степь.

Суслика или сурка, или как там его, он заметил позже, чем тот заметил самого Мишку, и

брошенный с десятка метров камень, никого не задев, «пропылил» по утоптанной траве возле норки, куда успел забраться упитанный грызун. Глухо выругавшись, Мишка подлетел к норе, заглянул в темноту провала, но руку сунуть поостерёгся. Кто его знает: может, местные суслики вполне себе хищники! Подобрал камень и двинулся обратно к ручью. Закат стремительно приближался, и край солнечного диска уже коснулся линии горизонта. Охота принесла классический результат – то есть ничего.

Уже бредя по берегу в сторону холма, ночевать Мишка твердо решил там – на каком-либо из деревьев. Крупной живности он, конечно, за всё время ещё не видел, но это совсем не значит, что её нет. Как и следов водопоя на берегах. Но, опять же, берега здесь крутые и для водопоя неудобны, и совсем не факт, что ниже по течению, где спуски более пологи, местная живность не протоптала себе тропы к воде. Мишка шёл, срывая попадающиеся по пути травинки, запихивал их в рот и медленно пережевывал, чтобы хоть как-то унять чувство голода и проснувшуюся резь в животе. Раскусив очередной подхваченный стебель, он внезапно остановился на месте, резко развернулся и бросился обратно в то место, где, как ему казалось, он эту травинку сорвал.

Да! Взгляд сразу выхватил в траве зеленый круглый стебель с бело-фиолетовой «звездой» на макушке. Да!!! Мишка, сидя на коленях, аккуратно разгреб землю возле корешка растения, извлекая на свет маленькую, с ноготь большого пальца, луковицу. Сам стебель откусил и поспешно запихал в рот, при этом нагибаясь и пристально всматриваясь в прибрежную траву. Усилия были вознаграждены, и к тому моменту как солнце почти скрылось за горизонтом, Мишка уже набрал довольно большой пучок зелени и, наскоро прополоскав луковицы в ручье, припустил бегом в сторону холма, чтобы найти себе место для ночёвки до наступления темноты. Забрался на первое попавшееся достаточно крупное дерево и, с горем пополам устроившись в излучине большой ветки, принялся, наконец, за еду. Это, наверное, был первый раз в его жизни, когда Мишка с такой радостью, чуть ли не давясь слюной от удовольствия, поедал лук. Обычный дикий лук, который так часто встречается вдоль речек в средней полосе...

Местное солнце стремительно закатывалось за горизонт. И вот уже сидящего на дереве человека, увлеченно поедающего зелень, скрыла темнота. На небе высыпали необычно яркие, крупные звезды, а из-за невидимого горизонта плавно всплывали неровные овалы лун.

Проснулся Мишка от того, что инстинктивно ухватился за ствол. Спросонья не сразу сообразил, что происходит, двинул ногой и чуть не свалился под тяжестью съехавшего с ветки тела. В последний момент, царапаясь голым животом о жесткую кору, с силой сжал руки, останавливая падение. Так, матеря всё вокруг, Мишка спустился на землю. Вчера он забрался, цепляясь за торчащие остатки отсохших нижних ветвей, на дерево, сильно напоминавшее обычную крупную сосну, не высоко – метра на три, не больше. Тогда это показалось ему удобным, а вот сегодня... Наверное, только чистое везение уберегло Мишку от непрезентабельной дырки в животе. Осмотрев мелкие царапины на брюхе и, слава богу, не найдя каких-либо ещё повреждений, обругав себя за глупость, пошёл в сторону давешнего ручья.

Не теряя попусту времени, Мишка быстро пробежался по кромке берега в поисках дикого лука на ближайšie метров сто в сторону от холма. Перешёл на другую сторону и возвратился уже по ней. Не сказать, что лука было много, но набрать приличный, в обхват двумя ладонями, пучок проблемы не составило. Затем, сидя на берегу, аккуратно вымыл каждый стебель, снял шкурку с луковиц, разложил все на плоском камне и, посмотрев на свои отмытые от вчерашней грязи кисти рук, вздохнув, сорвал травяную конструкцию с головы, забрался в холодную воду. Мылся не долго, но остервенело, холодная вода не баня, в ней особо не посидишь, а выскочив на берег, он начал усердно приседать и махать руками, пытаюсь согреться и унять стучащие зубы. Согревшись, сел на корточки перед разложенным на камне луком и принялся завтракать.

Растительная пища мышлению не особо способствует, но это лучше, чем «ничего». Ел Мишка не спеша, тщательно пережевывая довольно горькие побеги, пытаюсь максимально насытиться скудным для современного человека рационом. То ли глюкоза начала поступать в мозг, то ли горький вкус, раззадорив рецепторы, взбодрил, а может, чувство голода немного приглушило урчание заполняемого желудка, но в голове неожиданно появились мысли. Что характерно, носили они не абстрактно-философский, типа как же я до такой жизни докатился и куда попал, а конкретно практичный и прикладной характер. То, что на одной «траве» далеко не уедешь, Мишке было очевидно. Это значит надо где-то, причем в ближайšie время, раздобыть мясо. Где? Понятно, что купить бифштекс здесь не получится – не у кого и не за что. Значит, надо поймать животину и сделать с ней то, чего требует природа – съесть.

Чем ловить? Обычный булыжник – «оружие пролетариата», но вчерашний пример наглядно продемонстрировал его неэффективность в неумелых руках на фоне дикой природы. Следовательно, использование его в таком направлении непрактично. С другой стороны, если такой же камешек, каким он вчера разбрасывался, насадить на палку и хорошенько примотать, то может получиться вполне приличная булава. Что само по себе неплохое оружие против небольших хищников, которых, правда, Мишка здесь ещё не видел, но... Но что они есть, он ни на долю секунды не сомневался, и тот факт, что он сам с ними еще ни разу не столкнулся, его крайне удивлял и откровенно пугал. Самое главное, что булава не требует каких-либо особых навыков и даже в неумелых руках является достаточно грозным инструментом разнопрофильного применения. А вот для непосредственной охоты на то, что есть в наличии (то есть жирные, наверняка вкусные суслики, размером более чем

в полметра – Мишка аж зажмурился в предвкушении! – различные птицы и прочая мелкая живность, которая в изобилии наблюдается в окрестностях), нужны камни поменьше. Со скоростью побольше, да чтобы пускать их в цель со значительного расстояния. Чтоб у грызунов не осталось ни шанса среагировать и попрятаться в норы. Как такого добиться в подобных условиях? Да легко, сделать пращу из сплетенной травы. Попасть из неё? Вот тут проблемы и всплывают, и, казалось бы, элементарные задачи становятся практически неразрешимыми...

Миша иллюзий не испытывал и прекрасно понимал, что попасть из самодельной пращи, буде он её всё-таки сделает, сумеет сплести приличную верёвку, сможет куда угодно, но только не в суслика. Не говоря уже о том, чтобы бить птицу влёт. Птицы, кстати, в окрестностях видимо-невидимо, окраской и размерами на любой вкус и цвет. И ловить её, судя по постоянному мельтешению над травой мелких пичужек, лучше всего сетями, которые он, разумеется, должен будет сплести самостоятельно из той же травы...

Мишка невесело усмехнулся. Значит, возвращаемся к сусликам или суркам – не важно, кто там они на самом деле. Булава, которую он твёрдо решил сделать, тут не помощник. Если, конечно, сбрендивший грызун ринется на него в одиночку, то орудуя ею, он отобьётся. Но вот подойти самому на дистанцию удара, это поистине задача, сопоставимая с прицельным метанием камней из пращи. Надо что-то такое, что можно метнуть относительно издали, при этом шанс попасть должен быть велик, а масса достаточна, чтобы оглушить или убить. Крупный камень для этих целей не подойдет: сильно метнуть его проблематично, площадь поражения маленькая, что вкуче с Мишкиной точностью и низкой скоростью самого снаряда делает его совершенно неперспективным. Маленький камень, конечно, можно метнуть, и даже точность у него будет вполне приемлемая, но вот убить или оглушить им... Мишка подбросил на руке маленький окатыш, поймал его и с силой запустил в ручей. Да, без пращи от мелких камней проку нет.

Другое дело палка: если её бросить на манер копья, что гораздо удобней само по себе, так и скорость будет выше, и точность приемлема. Только тяжелой палкой, то бишь копьем, не особо разбрасаешься. А вот поменьше...

Мишка перестал жевать, нащупав приемлемую идею. Если наломать в роце на холме палок, примотать к ним наконечники из ручейной гальки, убить они вряд ли смогут, но вот оглушить пусть и довольно крупного грызуна – вполне. С камнем массы должно хватить. И ещё одну палку – потолще и не особо длинную, чтобы метать её наподобие бумеранга или биты для городков. Да! вполне может получиться! Быстро покончив с едой и умывшись, а потом, посмотрев на пригревавшее уже солнце, обильно намазавшись прибрежной грязью, Мишка поспешил к холму. Травяную шапочку на голову решил не делать, решив ограничиться обильным слоем глины на волосах.

Кустарник нашёлся довольно быстро, даже не кустарник, а поросль молодых деревьев на самом краю холма, прямо по размытому берегу склона, совсем рядом с руслом ручья. Тут были и зелёные, живые деревья, и жёлто-красные, засохшие. Деревца оказались на редкость прочными, и если небольшие побеги зелёных можно было ещё хоть как-то выкрутить, то древесина сухих совершенно не поддавалась. Корни погибшей поросли ещё не прогнили, так как разворотить куст просто не получилось. Спилить или срубить подходящий ствол, естественно, было нечем. Провозившись некоторое время и расцарапав в бесплодных попытках ладони, Мишка вернулся к ручью, здесь он, недолго думая, отыскал подходящие булыжники и принялся с размаху бросать их в большую каменюку на берегу. Результаты были

разные: некоторые камни просто отскакивали в сторону ручья, исчезая в воде, некоторые от удара оставляли мелкую крошку и также разлетались в стороны, и только два раскололись по более или менее длинной оси. Попробовав пальцем остроту кромки, Мишка схватил все четыре половинки и припустил обратно.

С камнем дело пошло гораздо быстрее, пусть острия всех половинок и сточились, но солнце ещё не вошло в зенит, а у него уже имелось три сухих ствола, каждый толщиной с грецкий орех, и увесистая кривулина. Еще одну палку, больше похожую на черенок от лопаты, он положил к россыпи камней в качестве древка для перспективной булавы. С наконечниками из окатышей Мишка решил повременить, так как ни времени, ни материала, чтобы их прикрепить, уже не было, а до наступления полуденной жары надо идти на охоту. Кору снимать не стал по той же причине – в полдень дичи не будет, животные отнюдь не горят желанием париться под палящим солнцем и попрячутся в укрытия, уж суслики-то точно.

Примерившись и несколько раз метнув вдоль берега свое импровизированное оружие, Мишка пришел к выводу, что на средней дистанции, метров десять-пятнадцать, дротики летают довольно метко. И шанс удачно попасть будет примерно один из десяти-пятнадцати бросков. Что само по себе не так уж и плохо, если учесть, что навык наверняка со временем будет совершенствоваться. Зато кривулина летела гораздо дальше и площадь поражения у нее была ощутимо больше за счет вращения вокруг горизонтальной оси. Впрочем, это как бросить. Но вот точность, с которой Мишка её метал, оставляла желать лучшего. Опять же пока. Короче, перспективы были, но вот какие, это должна была показать практика.

Ко вчерашнему сурку он крался, низко пригнувшись к высокой траве, и замер, остановившись в двенадцати-тринадцати метрах. Поудобнее перехватив дротик, Мишка завёл руку за спину и, стараясь не дышать, метнул. Получилось довольно неплохо. Дротик, слабо вибрируя, полетел вперёд, описывая правильную дугу, однако в сурка не попал. Ударился и, отскочив от земли, упал рядом в каком-то метре от грызуна. Тот подскочил на месте, быстро задёргал короткими лапками, и с невероятным проворством скрылся в норе. Разочарованный Мишка подошёл ближе, поднял с земли свое оружие, присел на корточки, заглянул в темноту лаза, поковырял в нем палкой и, не добившись никакого результата, сплюнув на землю, двинулся дальше в поисках новой добычи. До того как солнце поднялось в зенит, Мишка еще три раза нападал на окрестных сурков, но ни разу попадания достигнуть не удалось. В последний раз кидал кривулину, попасть так и не смог, и сурок, как и все его предшественники, скрылся в норе, но вот сам бросок вышел для грызуна опасным. Кривулина пронеслись прямо над головой, едва не задев, и благополучно скрылась в траве, вспугнув стайку мелких птичек. Подобрал своё оружие, и грустно опустив плечи, Мишка побрёл к холму, бормоча под нос проклятья на вёрткую добычу.

Солнце уже забралось в зенит и начало припекать. На время дневного солнцепёка Мишка пошел в рощу. Надо было пока светло подобрать более подходящее дерево для ночёвки, чтобы не мыкаться, как вчера, и заодно присмотреться: нет ли там чего пригодного для употребления в пищу. Подобрал палку, приготовленную для булавы, камень и пару осколков, а также все три дротика, перехваченные для удобства несколькими пучками длинной травы, Мишка бодро потрусил в сторону редких зарослей.

Кривулину бросил у ручья: рук всего две, а она громоздкая и довольно тяжелая. Обследование холма в целом ничего не прояснило. Ясности в вопросе с хищниками как не было, так и не появилось, как и с другой более или менее крупной живностью. Мелкие

грызуны были, а вот всего остального не наблюдалось. Это было плохо, потому как непонятно. Тем не менее это не помешало ему найти подходящее дерево для дальнейших ночевок. Оно находилось недалеко от первого, на котором он коротал эту ночь, но ствол был заметно толще. Гораздо больше, чем охват обычного человека, а нижний ярус обладал достаточно густо растущими ветками, на которых при случае можно было сделать даже настил. Всё это удовольствие находилось на высоте двух с половиной метров от земли, и Мишке не пришлось особо возиться, чтобы забраться туда. Все своё барахло, разумеется, оставив внизу, он просто подпрыгнул, зацепился за ветку и подтянулся на одном из торчащих в сторону сучков. Место ему понравилось гораздо больше, когда оказалось, что отходящие от больших ветвей отростки сильно переплетаются и вместе с хвоей надёжно скрывают от взгляда снизу. Человеческий вес, разумеется, не выдержат, но это и не требуется.

В оставшееся время Мишка аккуратно шкурил дровки дротиков и заготовку для булавы. Потом, с трудом используя затупившиеся каменные рубила, которыми перепиливал стволы кустарника, кое-как сделал в торце палки раскол. Руками растянул его, стараясь не поломать, и чтобы он особо не пошёл вниз. В расщеп вставил камень более плоской стороной вниз и старательно примотал его полосками ошкуренной с кустарника коры. Получилось вроде неплохо. Пару раз взмахнул. Камень держался довольно крепко, что внушало некий оптимизм. Мишка перехватил оружие поудобнее и с силой ударил по стволу ближайшего дерева. Раздался глухой стук, посыпалась сверху старая пожухшая хвоя, но конструкция, вопреки опасениям, не развалилась. Это был первый успех. Приободренный Миша подхватил булаву, дротики без наконечников и отправился продолжать охоту, солнце уже начинало клониться к закату, а со стороны потянулся приятный ветерок.

Вечерняя охота результатов тоже не принесла. Ни в одного зверька он так и не попал, только лишний раз спугнул. Решив окончательно не разгонять зверя, и на следующий день двинуться вдоль берега дальше, Мишка вернулся к реке и занялся собирательством дикого лука. Ночь прошла вполне комфортно и спокойно. Только при пробуждении стало понятно, что тело у него от лежания в неудобной позе затекло, а правая рука, предплечье и сустав противно ныли.

Следующие два дня Мишка все так же безуспешно упражнялся в охоте. Продолжал поедать утром и вечером дикий лук, но вот в дневное время теперь занимался тренировкой метания дротиков в отдельно стоящий камень, а после – приматыванием к ним постоянно слетающих галечных наконечников. Результаты были довольно хорошие, но на качестве охоты это пока никак не отражалось. Теперь попаданий в грызунов Мишка добивался достаточно часто, вот только ни убить, ни оглушить никого пока не получалось. Сколотый наконечник элементарно не пробивал шкуру, и если даже грызун и умирал потом от внутренних повреждений, что вряд ли, то делал это глубоко в норе и совершенно бесполезно для Мишкиных гастрономических изысков. За всё время ни одного удачного попадания в голову, которое могло бы элементарно оглушить зверька, не получилось, и пока Миша грешил на силу и точность броска, которых ненатренированные мышцы и связки пока дать не могли.

Решение проблемы нашлось довольно легко и даже спонтанно. Стоило задуматься над вопросом увеличения силы броска, как намертво вдолбленные еще в школе рефлексывыдали простое, древнее как мир и в то же время, эффективное решение. «Нужна сила – найди рычаг». Так громогласно гласил плакат в кабинете физики, установленный прямо над классной доской. Кто-то маркером туда ещё снизу приписал подпись: «Архимед». А какой рычаг можно применить для бросания копья? Если бы Мишка не знал заранее, не факт, что

догадался. Но он знал, видел по научно-популярным каналам и не один раз читал в приключенческой литературе. Одним из первых рычагов, применённых человеком, был атлатль, как называли его ацтеки, и которому была посвящена целая передача по «Дискавери». Или копьёметалка, если по-русски. Простая палка до метра в длину с небольшим упором на конце, в который и вставляется основание дротика. При размахе она как бы увеличивает длину руки, радиус, а соответственно добавляет к силе броска ещё и центробежную. При применении такой нехитрой схемы скорость, дальность и сама сила броска вырастает в разы. С точностью у Мишки были вопросы и сомнения. Но судя по тому, что многотысячелетняя практика применения такого приспособления существовала, и причём довольно успешно, то «овчинка» явно стоила выделки. Остаток дня он потратил на изготовление чего-то подобного...

Лука в окрестностях пока хватало, но понятно, что ещё день-два, и чтобы набрать достаточную, чтобы утолить голод порцию, надо будет уходить всё дальше и дальше вдоль берега. И ещё Мишка понял, что зря рвал съедобные растения с корнями. Луковицы лучше было оставить, тогда зелень отросла бы вновь. Но кто же знал, что охота такое непростое дело...

Всю ближайшую округу в радиусе примерно километра, может чуть больше, может меньше, Мишка довольно хорошо изучил. На этой территории он нашёл больше сотни норок, в каждой из которых, за редким исключением, обитало от трех до восьми сусликов. Питались эти грызуны близлежащей к своему логову травой и злаками, метёлки которых он теперь тоже регулярно жевал, двигаясь туда-сюда по степи. В принципе, кормовая база в виде злаков и дикого лука довольно неплохо утоляла голод, но Мишке нестерпимо хотелось мяса. Требовал организм. С ним, организмом, проходили заметные изменения. Во-первых, он стремительно худел. Кожа, конечно, не висела лохмотьями складок по причине изначальной не особой Мишкиной полноты, хотя ещё не подобралась и не стянулась. Но уже сейчас ощущалось, что жира у него почти не осталось. Разумеется, диету последних пяти дней здоровой не назвать, но всё же подобного он никак не ожидал. Во-вторых, ступни довольно сильно задубели, что тоже несколько неожиданно. И если поначалу Мишка этого просто не замечал, целиком и полностью поглощенный добыванием пищи, то в последние два дня, когда он предпринял довольно длительные походы по камням вдоль русла и дальше, не замечать очевидные изменения становилось просто невозможно. И, наконец, в-третьих, он с удивлением осознал, что скорость его реакции очень сильно возросла. Это Мишка понял, когда стал прямо на ходу ловить и, разумеется, поедать обильно кружащих вокруг слепней. Не очень, конечно, эстетично это было, зато вполне разнообразило рацион, и, как ни странно, довольно приятно на вкус.

А в конце дня, возвращаясь с очередной безуспешной охоты, но очень впечатлительный первым боевым, пусть и неудачным, применением копьёметалки. Как обычно, жуя пригоршню набранных по пути злаков и прикидывая, как после небольшой практики будет бить ей сурков «навывлет», Мишка поймал пичугу. Просто машинально схватил ладонью, так же как ловил оводов. Не сразу понял, что произошло, но когда осознал, что у него в руках, неожиданно погрузился. Нет, радость была искренняя и чистая. Смутила досада... Мозг у человека работает довольно избирательно. Решая самые насущные, самые острые проблемы, напрочь забывая об остальном. И в условиях тёплого климата и растительной пищи Мишка совсем забыл об огне.

Птицу он все же съел сырой за обедом, обильно приправляя зелёным луком и

собранными семенами злаков. А затем спустился к ручью и стал шарить по берегу в поисках кремня. Как же так: выходит, человеку в тёплом сухом климате, да ещё летом, когда ночью тепло и даже иногда душно, в условиях отсутствия животной пищи огонь не очень-то и нужен? Выходит, что так: по крайней мере, к Мишке это подходило.

Как выглядит кремень, Мишка прекрасно знал, три раза в неделю видя выставку кремневых срезов в геологической лаборатории в институте. Ещё на первой геологической практике «в поле» неоднократно находил его и сам, и в составе группы, с которой копали срез на крутом берегу реки, чтобы потом составить по нему геологическую колонку. Тогда все смеялись такой, казалось, простой работе, относясь что к практике, что к самой геологии совершенно несерьезно. Дружно подразумевая, что полезность этих знаний закончится одновременно со сдачей итоговых экзаменов по курсу. Кто же знал, что так оно всё получится...

Три довольно крупных куса Мишка нашёл быстро, для верности расколов один из камней о торчащий из склона булыжник и с удовлетворением рассмотрев на сколе характерные разводы. Зажав на сгибе левой руки и прижав к телу все четыре получившихся куса, чтобы не выронить по дороге, Мишка подхватил булаву и направился обратно к холму.

На прогретую жарким дневным солнцем степь опускались сумерки. Упоённо стрекотали кузнечики и ещё какие-то местные насекомые. Носившиеся весь день над травой и парившие в небе неутомимые птицы давно уже разлетелись по гнездам, отъевшиеся грызуны по норкам, а Мишка сидел под деревом, на котором обустроил себе ночлежку, и методично бил камнем о камень, выбивая искру на комок размочаленной в руках сухой травы. Рядом лежали приготовленные сухие ветки и небольшая горка камней из ручья, чтобы сложить очаг. В подступавшей темноте были хорошо видны мелкие искры, отскакивающие от бьющихся друг об друга камней. Это зрелище вызывало у Мишки улыбку, и руки сами били камнями всё быстрее и быстрее. Искры были слишком мелкие, и трава всё не загоралась. Только после более чем получаса усилий отвыкший за последние дни от цивилизации нос почуял едва уловимый запах дыма. На одном из волокон появилась неуверенная красная точка. Мишка встал на четвереньки и, припав лицом практически к земле, начал раздувать затухающую искорку. Через минуту у него сильно закружилась голова, но это было уже не важно: сквозь траву прорывались лепестки разгорающегося пламени! Накидав сверху веток и обложив кострище камнями по периметру, Мишка сидел, подобрав под себя ноги, и смотрел на огонь. На сердце стало тепло и хорошо. Костер освещал пространство на пару-тройку метров вокруг, от него веяло сухим теплом, но самое главное – Мишка наконец-то почувствовал себя человеком. В эту ночь на дерево он не забирался, так и сидел допоздна, глядя на огонь, а потом заснул, прислонившись к стволу.

Снились ему гнусные зеленые инопланетяне, насильно запикивающие его в летающую тарелку, отчего-то подозрительно смахивающую на унитаз. Он упирался, кричал, но сил оттолкнуть их и сбежать, скрыться в темноте у него не было.

Проснувшись утром, не стал тратить время на привычный моцион, а сразу, подхватив дротики, копьёметалку и булаву, помчался в сторону ближайшей сурковой норки. Грызуны, все трое, уже вылезли и сновали в радиусе ближайших двадцати метров, поедая насекомых и молодые побеги. Мишка заметил их издали, положил на землю булаву, и, вставив дротик в ложбинку на основании копьёметалки, максимально, насколько только был способен, скрытно подкрадывался в их сторону. Бросать дротики с помощью копьёметалки с непривычки довольно неудобно. Вчера он долго примерялся, прикидывал и понял, что одной из слагающих успеха в этом деле является правильный хват. Такой, который позволяет

удерживать не только саму копьёметалку, но и дротик на ней. В этот раз он попробовал прихватить древко указательным пальцем, держа ручку копьёметалки остальной ладонью. Руке было непривычно, но передвигаться стало гораздо удобнее.

Подкравшись на расстояние, как он думал, уверенного броска, Мишка замер в неподвижности, отведя назад готовую к броску руку. Один из сурков что-то почуял, прервал копошение в траве и поднялся «столбиком» на задние лапки, крутя головой из стороны в сторону, осматривая окрестности. Мишка сосредоточился, напрягся и единым резким движением, будто спуская пружину, взмахнул рукой. Дротик, рассекая воздух, пронёсся в считанных сантиметрах от зверька и глухо ударился о землю. Чёрт!!! Сурки, огласив всю округу звонким писком, бросились к спасительному зеву норы.

– Да чтоб тебя! – злобно ругнулся Мишка, укладывая второй дротик на ложе копьёметалки и снова делая замах. Древко, снова просвистев, ударило в правый бок уже почти заскочившего в убежище сурка. Зверька отбросило в сторону и там он, громко вереща, скорчился в предсмертных судорогах. Последний грызун благополучно скрылся в норе, но Мишку это сейчас не волновало. Он громко кричал, вскинув в небо руки и подпрыгивая на месте от рвущейся наружу радости.

– Да! – кричал неизвестно кому в небе. – Да! У меня получилось! Получилось!!!

Подхватив долгожданную добычу и валяющиеся на земле дротики, Мишка бегом припустил в сторону холма к своему становищу. Немного повозился, разводя новый костер, поскольку раздуть затухшие с ночи угли не получилось, подкинув в него большую порцию хвороста и оставив разгораться, занялся добычей. Шкуру дротик, как и раньше, не пробил, но вот ребра, судя по всему, сломал. И более того, сила удара была такова, что вмяла их осколки в какой-то из важных внутренних органов, от чего бедолага благополучно и скончался. Это Мишку в принципе устраивало. Проблема была в другом: разрезать шкуру было нечем. Грубые уже затупленные рубила не подходили, а набранных кусков кремня было всего три и раскалывать их очень не хотелось.

Пришлось снова бежать к ручью, искать большой кусок кремня, там же раскалывать его на камне, чтобы получить острый срез. Об эстетике сейчас Мишка задумывался в последнюю очередь, поэтому корявый скол его вполне устроил. Уже возвращаясь к огню, заметил мелкую серую тень, метнувшуюся в заросли. Про себя усмехнулся: «А вот и мелкий хищник пришёл на падаль». Тушка сурка лежала на месте. Следов Мишка не заметил, но не положи он сурка так близко к костру, наверняка остался бы без обеда.

К разделке тушки Мишка подошёл со всей возможной ответственностью, потому как от этой животного ему нужно было как минимум две вещи: мясо и шкура. Мясо – чтобы съесть, а шкура – чтобы наконец-то прикрыть гениталии и всю паховую область. Очень уж достало его ходить голым и с неприкрытым достоинством. Не то чтобы было неприятно, но нутро протестовало.

С непривычки шкура резалась тяжело, даже несмотря на острый каменный скол. А когда продольный разрез по брюшку животного все же получился, и Мишка буквально содрал шкурку с тушки, оказалось, что на ней, с внутренней поверхности, есть ещё и довольно толстый слой жира. Отложив её в сторону, Мишка занялся готовкой. Если он правильно помнил, то всё, что есть на внутренней стороне, надо соскоблить, иначе шкура завоняет и загниет. А это, судя по неожиданному большому её количеству, будет довольно трудоемкий и длительный процесс, который можно сделать и на сытый желудок.

Мясо шкворчало на раскалённых камнях, Мишка, глотая слюну, подцеплял его двумя

ошкуренными палочками и время от времени переворачивал. Смотрел, как стекает по плоской поверхности жир, капает на угли и вспыхивает яркими всполохами пламени, вдыхал носом его аромат и был в какой-то мере счастлив скоростижному окончанию растительной диеты. Давешняя птичка не в счёт, её он съел больше из осознания необходимости животных белков для организма и без особого удовольствия, хотя вчера так не считал. Жарить мясо на костре, насадив на прутики наподобие шашлыка, Мишка не стал. Не то чтобы не любил, просто ждать долго не хотелось: ни пока костер прогорит, ни когда мясо подрумянится. А если делать на открытом огне, то внутри мясо не прожарится, а снаружи обуглится. Получится ни то ни сё, не вкусно и не полезно. Зачем так издеваться над продуктом, если вокруг полно плоских камней любых форм и размеров на выбор, которые, нагретые на огне, если и уступают сковороде, то не сильно. Поэтому он притащил парочку к костру, пристроил по бокам и сейчас выкладывал на раскалившуюся поверхность оттяпанные от тушки кусочки. Вовремя переворачивал, чтобы не подгорели, и сильно жалел, что в гастрономическом порыве забыл набрать возле ручья перьев зеленого лука.

Мясо было превосходно, может, кто другой его бы и не оценил, но Мишке казалось, что ничего вкуснее он никогда раньше не ел. И все же, даже несмотря на это, целиком тушку ему осилить не удалось. Уже на половине он почувствовал перенасыщение, граничащее с симптомами переедания. Особой проблемы в этом не было, Мишка был вполне уверен, что добьёт остатки вечером, поэтому, нанизав оставшиеся кусочки на ошкуренный прутик, подвесил их на ветки прямо рядом с ложбинкой, в которой ночевал.

Ну что же, настало время заняться шкуркой. Несмотря на то что сам сурок был в длину не больше чем полметра, шкурка у него была довольно большая, и для переднего фартука набедренной повязки её должно было хватить с большим запасом, даже если отрезать часть на ремень. Но как её выделывать, Мишка имел самое общее понятие. Твёрдо знал только, что мездру – остатки жира, сухожилий, хрящей и мяса – с кожи надо обязательно удалить. При этом, по возможности, её не порвать. А после этого просушить, закрепив на жесткой раме, чтобы шкура не скукожилась и не свернулась. Потом вроде её надо будет разминать, а ещё потом жировать. Или наоборот. Ещё шкуры дубят. Но когда это делают – после просушки или до – память сообщать не спешила.

Решив, что только практика может подсказать ответ на тонкий технологический вопрос, Мишка принялся скоблить внутреннюю поверхность шкуры своим уже порядком затупившимся рубилом. Наверное, за пару часов он закончил, потому как солнце в зенит ещё не вошло, а перед ним лежала довольно тщательно очищенная шкурка, рядом кучка перемешанных опшметков, а руки, да и лицо тоже, были засалены от снятого подкожного жира. Кое-как собрал раму из свежесломанных сосновых веточек, вокруг которых обернул края шкурки, а иначе ничего просто не держалось, и, основательно обмотав их в местах соединения травой, Мишка так же, как и мясо, подвесил получившуюся конструкцию на одну из торчащих веток сосны для дальнейшего просыхания.

Охотиться в этот день Мишка больше не ходил. Взяв кости, остатки мездры со шкурки и потроха, собрав это всё в один комок, отнёс по кромке холма подальше от места своего обитания. Затем, набрав хвои, собрал из неё веник и тщательно подмёл вокруг костра. Сходил к ручью помыться, а заодно и напиться. Весь оставшийся день, до самой ночи, Мишка занимался тем, что пытался изготовить из куса кремня каменный нож, по образу и подобию виденных в музее и просторах Интернета. Получалось откровенно плохо. Куски камня откалывались совсем неаккуратно и не там, где планировалось, а под конец, от

неосторожного удара выбранный камень просто раскололся на две неровные части. Мишка долго матерился, а после взял в руки обломки и принялся мастерить из них наконечники. Уже ночью, сытый и довольный, лёжа прямо на земле, закинув руки за голову и смотря в небо, Мишка удивлялся тому, какие здесь звезды. Ни фигуры созвездий, ни их количество на земные совершенно не походили. Ночное небо было буквально усеяно огромным количеством непривычно крупных звёзд, на фоне которых терялись две небольшие луны.

– М-да, дела... – протянул Мишка, со вздохом поднявшись, и, подпрыгнув, ухватился за ветку и одним махом подтянулся, забираясь на место своей ночлежки. О том, где он, раздумывать не хотелось, чтобы не расшатывать только пережившую стресс психику. Не сейчас и, по крайней мере, не в ближайшее время...

На следующий день охота была не такой удачной, и результат принесла только ближе к вечеру. В этот раз новый кремневый наконечник распорол шкуру бедного грызуна со спины в районе лопатки и вышел с другой стороны под мордочкой. Дергающееся в конвульсиях животное залило всё вокруг кровью. Остальные сурки разбежались в стороны и скрылись в высокой траве, а Мишка, посмотрев на эту картину, решил охотиться подальше от дома. Ещё не хватало распугать всю окрестную живность. Пусть уж лучше остаётся в продовольственном резерве, а то получится так же, как с диким луком, за которым теперь приходится тащиться довольно далеко вдоль ручья.

Готовка много времени не заняла, а вот шкуру выскребал уже в темноте при свете костра. Мастерить раму из веточек не было ни желания, ни сил, и шкура уместилась по соседству со своей товаркой, только просто насаженной на два торчащих сука.

Так продолжалось почти пять дней, а на шестой, проснувшись, Мишка ощутил легкий запах гниения. Озадаченный этим, он перебрался из своей ложбинки, где уже само собой соорудилось что-то похожее на гипертрофированное разваленное гнездо, на соседний сук. Пробрался по нему вперёд до места, где висели просушивающиеся шкуры. Принюхался. Да, запах тления шёл именно от них. Причём не от более ранних: те пахли вполне нормально, тоже воняли, конечно, но не тухлятиной. Гнилью тянуло от одной из свежих, дня два как повешенных на просушку. Более того, на её поверхности проступили какие-то нездорового вида пятна.

Мишка спрыгнул на землю, снял порченую шкуру с ветки и, как обычно, прихватив булаву, пошёл на другой склон холма, где в небольшую усеянную камнем балку выбрасывал сурковые кости и требуху. По пути раздумывал о причине. Ничего нового он не делал, шкуру выскоблил так же, как и в первый раз, так же закрепил в раме. Что же произошло, что эта шкурка загнила, а те нет? На краю овражка остановился и, уже собираясь бросить шкурку, заметил движение внизу. Одним движением скользнув за ближайшее дерево, скрывшись за широким стволом, Мишка выглянул с другой его стороны. Ветер был в лицо, поэтому зверёк, увлеченно поедавший на склоне балки подпорченную требуху, не учуял ни Мишу, ни подпорченную шкуру в его руках. С такого ракурса он больше всего напоминал что-то очень среднее между собакой, хорьком и медведем. Имел красивый мех бежево-коричневого окраса, короткое тело, кривоватые лапы и затупленную мордочку с внушительной пастью, на голове маленькие закругленные ушки. И в довершение венцом всему был шикарный, длиной больше чем в пол-тела, пушистый хвост, которым он медленно водил из стороны в сторону. Размерами он был с мелкую собаку, то есть крупнее сурка, но не намного, раза в полтора, не больше.

– Вот, значит, ты какой... неожиданный сосед, – еле слышно пробормотал себе под нос

Мишка, отступая назад. Причинять вред этому существу не хотелось, проблем с ним за всё прошедшее время не было, а вот пользу в качестве утилизатора пищевых отходов он, несомненно, приносит. Протухшую шкуру Мишка положил просто на камни возле края балки, может, тоже съест, а сам так же тихо пошёл обратно.

Как бы там ни было, но оставшиеся шкурки необходимо было осмотреть на предмет гниения, и сделать это надо было, как говорится, ещё «вчера». Но что поделаешь, опыт – вещь сугубо наживная и набирается, как правило, через кучу проблем, слёз и ошибок. А вот его относительно «бескровная» передача называется, ни много ни мало, образованием.

Обследование показало, что из всех шкурок, которые Мишка сушил, условно пригодными к дальнейшему использованию оказались всего три. Причем две из них были самые первые, которые он снял, а вот третья была одной из последних, причём её Мишка тоже вычищал ночью возле костра. Тогда он и жарил мясо, и выдeldывал шкуру одновременно, и, разумеется, заporол оба дела, мясо – подгорело, а на шкуру упала почти прогоревшая головня. Мясо, поморщившись, он съел, головню стряхнул обратно в костер. Но вот на очищенной от мездры внутренней поверхности шкурки образовались черные разводы. Сначала Мишка хотел их стереть, но потом подумал и, наоборот, засыпал всю поверхность шкуры золой. Почему нет? Он точно знал, что золу использовали для получения щёлока. Щелок же с древних времен использовали, а некоторые используют до сих пор в бане для мытья тела и волос. Возможно, проку от этого не будет, но эксперимент поставить никто не мешает. И вот теперь получалось, что зола сделала свое дело, и если не прекратила, то замедлила процесс гниения.

Ещё одной неприятной новостью было то, что все шкурки задубели, буквально до состояния деревяшки.

Мишка сидел возле дерева и задумчиво колотил по нему задубевшей шкурой, слушая глухой стук и раздумывая над сложившимся положением вещей. Размачивать их он теперь, наверное, не рискнёт: сказывалась опаска, что сгниют и эти. Но вот что делать? Для набедренной повязки они теперь точно не подходят – расцарапают там всё, что сзади и что спереди, да, собственно и ходить с таким «дубовым» обвесом будет, мягко говоря, неудобно.

Взяв камень, Мишка приложил шкуру к стволу дерева и пару раз ударил. Как ни странно, несмотря на подозрения, она не лопнула и не потрескалась. Просто образовался более или менее сгибающийся по неправильной кривой участок. Поняв, что движется в правильном направлении, парень, подхватив свой нехитрый скарб, переместился немного вверх по холму к поваленному ветром исполину, ствол которого развалился на склоне, торча в сторону обломками массивных ветвей. Там он несколько часов без перерыва занимался отбиванием, а после, натянув по очереди шкурки на гладкий, торчащий вертикально сучок, катал их, перетягивая то одной, то другой рукой. Сильной мягкости добиться, конечно, не удалось, шкуры так и остались довольно грубыми как на вид, так и на ощупь, но вот сильно оцарапать кожу уже не могли. Возвращаясь к стоянке Мишка довольный, как объевшийся халявной сметаны кошка. Улыбка не сходила с его лица, а тело было полно энергии в предвкушении долгожданной одежды.

Подбросив хвороста в почти затухший с вечера костёр, Мишка, разложив одну из шкур на земле, принялся возить кремнёвым ножом, больше походившим на рубило, по её внутренней стороне, намечая контуры для разметки ремешков. Как показала первобытная жизнь, эти простые приспособления для человека крайне важны. Без них практически невозможно что-либо подвязать, ту же набедренную повязку, например, стянуть, подвесить,

привязать и прочее, прочее и еще раз прочее. Всё то, для чего человек использует верёвочки, для всего этого нужны кожаные ремешки. Мишка с этим столкнулся и прекрасно понимал всю необходимость. Закончив с раскройкой первой шкуры на довольно широкие полосочки, принялся за проделку отверстий в двух остальных, чтобы получилось подобие петель для пояса, почти как на современных штанах, только не нашивные. В получившиеся дырки-петли продел один ремень, его конец связал мертвым узлом с другой кожаной лентой, с силой затянул, продел другой конец в петли на второй стороне. Получилась составная из двух частей юбка, которую Мишка натянул на себя, стянул ремешки и завязал спереди. Отметил про себя, что неплохо бы сделать пряжку... Но даже без неё это уже был полноценный прорыв в экипировке! И пусть пока не очень удобно, грубый материал слегка царапает кожу, но теперь всё, что находится в паховой области спереди, сзади и почти до колен, надежно прикрыто. Это значит, что инстинктивного страха, что кто-то или что-то вцепится или повредит не прикрытые гениталии, причиняющего постоянные неудобства, больше не будет.

Мишка поднялся, попрыгал, проверяя – удобно ли сидит, подхватил с земли дротики с копьёметалкой, булаву и направился на охоту. Солнце ещё стояло достаточно высоко, но именно сейчас Мишке на него было наплевать, как и на то, что сегодня, со всей этой вознёй, он ещё не ел. Ему нужны шкурки. Потому как увидев задубевшую кожу, Мишка понял, как сделать себе обувь.

Следующие несколько дней Мишка провел в привычных уже заботах. С утра проверял сохранность шкурок. Потом, наскоро умывшись, брал своё нехитрое снаряжение и отправлялся на охоту вниз по течению ручья. Отходил довольно далеко, по субъективным ощущениям – километров на семь-десять. Там выбирался в степь и бил сурка. Ограничивался только одним, необходимости в большем не было – мясо так просто не сохранить, без соли на жаре оно тухнет меньше чем за день. Можно, конечно, попробовать подвялить в тени, но в успехе такого предприятия Мишка сильно сомневался. Правда, не пробовал никогда, хотя дело, в общем, нехитрое, и какого-то особого тайного знания не требующее. Была бы соль – тогда и солить, и просто вялить можно попробовать, даже коптильню какую-никакую соорудить. Вон на крутом берегу склон в промоине подравнять, лапником перекрыть, а внизу из того же лапника костёр развести. И копти себе сколько душе угодно, и запаса дров хватит. Но опять же – копчёное, но не вымоченное в рассоле мясо храниться в тепле долго не будет, пара-тройка дней, и всё. И зачем это всё пока? Излишков мяса пока просто не было. Не получилось пока встретить ничего крупнее сурка. Ну, а самих сурков в округе столько, что при всём желании в ближайшие годы их в одиночку не переловить.

А наступит зима, так мясо на морозе хранится гораздо лучше. Другое дело, что сурки зимой спят. Это могло бы стать проблемой, как отсутствие главного ингредиента в цепи питания. Но опять же, очень Мишка сомневался, что на этих упитанных грызунах местная степная живность исчерпывается. Тех же птиц здесь множество видов и размеров на любой вкус и цвет. И все это в таких неисчерпаемых количествах, что наличие большого количества крупных копытных, а соответственно – и охотящихся на них хищников, не вызывало никаких сомнений. Иначе получается, что пернатые представлены в огромном видовом разнообразии, а все остальные животные так, грызунами ограничены. Ну, бред же! Другое дело, что по каким-то причинам именно сейчас их, крупных копытных, со всеми сопутствующими, именно в ближайшем радиусе не наблюдается. Вот это пока было загадкой без чёткого ответа. Так что со временем кто-то да должен объявиться, обязан просто. Сейчас конец лета, на худой конец – самое начало осени, Мишка в этом был уверен, собирая обильно созревшие злаки и охотясь на упитанных, накопивших жир грызунов. Так что с изменением погоды ситуация должна измениться.

Когда просохли очередные шкурки, Мишка занялся изготовлением обуви. Сидя у костра и поедая наколотое на оструганную палочку поджаренное мясо, разглядывал задубевшую шкуру, примеряя её к ноге. Края решил размять деревянной дубинкой на давешнем стволе, а вот середину так и оставить задубевшей, в качестве подошвы. Всю остальную шкуру предполагалось обернуть вокруг ноги и плотно перевязать ремешками. Однако в процессе производства выяснились некоторые особенности, которые привели к довольно радикальной модернизации конструкции. Как обнаружилось на предварительной примерке, кожа на подошве хоть и осталась не отбитой, но держаться не хотела и довольно легко ломалась, что для огрубевшей за последние недели ступни и не было критично, однако и полноценной подошвой тоже не являлась. Пришлось отдирать от ближайшего не хвойного дерева кусок толстой коры, ровнять его на камне и пристраивать с внутренней стороны на место подошвы. В обмотку Мишка наложил размочаленной сухой травы, поставил в центр ногу и аккуратно завернул вокруг ступни. Все это он обмотал связанным ремнём и завязал на голени.

Внешний вид получился, мягко говоря, «не ахти»: была она несъёмная и, по сути, практически одноразовая: когда износится, все ингредиенты придётся подбирать заново. Но других вариантов всё равно не было, и Мишка, полюбовавшись во всех, на какие смог извернуться, ракурсах на плод измышлений и дело рук своих, принялся за вторую.

Когда всё было готово, попробовал пробежаться от одного дерева к другому, затем в качестве эксперимента спустился к ручью, побегал по камням. Кора, как и кожа, довольно быстро обмялась, и передвигаться в таких «носках» стало удобнее. Как ни крути, а даже в такой примитивной обуви было гораздо лучше, чем с голой стопой. Плохо было только то, что её надолго не хватит, шкурка сурка сама по себе довольно нежная, а тут она пошла на подошву. Приматывать кору снаружи Мишка не стал, не выдержит она долгой ходьбы: раскрошится. Была бы досочка – другое дело. Но где её взять, досочку эту? Кремневым ножом выточить? Ну-ну, проще новых сурков на шкуры набить.

Ещё одним новшеством стала котомка, которую Мишка соорудил из цельной шкуры, свернув её и прихватив по краям, чтобы посередине один край надвигался на другой. Края связал ремешками, проделав дырки, как и в набедренной повязке, с боков подвязал широкую, скрепленную на двойные узлы лямку. Эту нехитрую сумку-котомку можно было легко повесить через правое плечо и, при необходимости, довольно легко, не глядя, лазить туда левой рукой, например, складывая собранные злаки или перья зелёного лука или небольшие куски камня. Или другие полезные предметы: те же самые ремешки, которых расходуется просто прорва на обмотку дротиков и булавы. Старые из ошкуренной коры уже давно прогнили, и если бы не кожа, то Мишка замучился бы обновлять орудия своего основного труда.

Вечерами он лепил примитивные котлы и чаши из глины с ручья. Сидя у костра после вечерней трапезы, раскатывал на плоском камне колбаски и, расплющивая и соединяя по кругу, делал горшки. Всего горшков лежало на просушке шесть штук – по одному в день. Свои способности как гончара Мишка ценил не особо высоко, поэтому справедливо опасался, что большая часть керамики развалится к чертовой бабушке при обжиге. Именно из-за этого шесть штук и наделал. Сделал бы и больше, но в один из дней, привычно уже разминая глину для лепки, наткнулся в ней на твердый кусок, который руками раздавить не получилось. Аккуратно отделил его, взял в руки камень и не спеша с силой надавил. Кусочек развалился, оставив на камне мелкую глиняную пыль, а Мишка вначале смотрел на неё круглыми как у белька глазами, затем хлопнул себя по лбу и опрометью бросился к котомке. Схватив её, он сунул руку внутрь и, вернувшись к вросшему в землю булыжнику, который привычно использовал вместо рабочего стола, сыпанул на него горсть зерна, взял камень и медленно растёр.

Миша злился на себя как на последнего идиота. Как можно было забыть о таких элементарных вещах, как огонь вначале и мука сейчас? Это действительно он сам такой несообразительный, или последствия перенесённого шока и недостатка животной пищи? Сплюнул со злости. Очистил булыжник, соскребя палочкой с него остатки глины и размолотых, но испачканных зёрен. Для верности протер ладонью и, насыпав небольшую горку зерна, принялся его методично измельчать. Сегодня у него будет хлеб, пресный, может, не очень вкусный, но хлеб.

Размеренная работа успокоила, и Мишка неожиданно для себя пришёл к выводу, что это не совсем он такой недогадливый, тупой, не видящий очевидных вещей. Это его сознание пока не способно видеть очевидное. Если подумать, то самого процесса изготовления муки

живую Мишка никогда и не видел (уборки зерна, кстати, тоже), читать – читал, а видеть не видел. И многого другого он не видел и не знает. Потому что Мишка нормальный городской житель двадцать первого века, который абсолютное большинство благ цивилизации покупает в магазине. А что не покупает, то приносят родители и вручают непосредственно в руки. Вот поэтому сознание и подсознание в том числе не имеют чёткого, на уровне рефлексов, ассоциативного ряда и действуют больше по наитию. Ну не было у него чёткой ассоциации «зерно-мука-еда». У Мишки, если честно, не то что «зерно-мука», у него вообще-то и мука сама по себе с едой не ассоциировалась. Что уж говорить про всё остальное.

М-да, дела... Что ещё, интересно, он пропустил из обыденных элементарных вещей, которыми мог давно пользоваться и которые могли заметно скрасить его существование в этом мире? Мозг на этот вопрос отвечать почему-то категорически отказывался, отзываясь совершенно пустыми мыслями.

Получившуюся горку серой с остатками семенных оболочек муки Мишка разбавил водой, принесённой пригоршнями с ручья и принялся мять получившееся тесто. Особой эластичностью оно не отличалось, но форму в принципе держало. Налепив маленьких лепёшек и пересыпав их, чтобы не слипались, остатками, Мишка пошёл к костру печь хлеб.

Прожаренные на раскалённом камне лепёшки воображение не поражали. Были они грубые, пресные и по вкусу напоминали картон гораздо больше, чем любое из известных хлебобулочных изделий. Возможно, больше чем сам картон, его-то есть Мишке как раз никогда и не приходилось, но вот чёткая вкусовая ассоциация, как ни странно, прослеживалась. У этих крайне пресных лепёшек было несколько несомненных достоинств перед остальными доступными видами пищи. Во-первых, они черствели, но не портились. Причём черствели, как Мишке настойчиво думалось, ещё до того, как полностью приготовятся. Пусть необходимость в долгом хранении продуктов пока и не возникла, но сам факт того, что что-то можно приготовить и положить в сумку с собой, а съесть потом. Во-вторых, они были не из мяса. Вынужденная мясная диета Мишке немного надоела, не то чтобы опостылела или вызывала оскормину, нет. Мясо же, в конце концов, не бананы, чтобы приесться. Но разнообразия хотелось. А хлебушек свежий да к мяску... М-м-м! И чёрт с ним, что хлеб пока чисто условный и к настоящему близок только по происхождению. Наличие такого продукта просто грело душу. Жалко только, что для того, чтобы наделать лепёшек шгук семь, надо полдня ходить по степи и обдирать налившиеся колосья злаков. Не совсем удобный путь, но, несомненно, перспективный.

Конечно, специально на сбор злаков Мишка не ходил, собирал по пути с охоты и на неё, а после высыпал в один из просохших, но необожжённых горшков. Сверху прикрывал его камнем, чтобы, когда отлучался, вездесущие птицы и грызуны всё по зернышку не растащили. Остальные горшки Мишка попытался обжечь. Результат получился несколько неоднозначный. С одной стороны – на пять горшков стало меньше. С другой – теперь у него было целых две глубокие тарелки, которые, собственно, из пары горшков, не до конца растрескавшихся при обжиге, и получились. Верхние края Миша аккуратно обломал, предварительно перемотав ремнём намеченную кромку и выворачивая куски спекшейся глины наружу. Образовавшийся острый край обровнял шершавым камнем. В такой тарелке-миске Мишка сварил суп. А затем сидел вечером перед костром и пил жирный бульон из степного грызуна, обильно присыпанный порванным на мелкие кусочки луком, закусывал сухой вчерашней лепёшкой и испытывая ни с чем не сравнимое удовольствие, тихо мурлыкал себе под нос незамысловатую мелодию, всплывшую непонятно с чего из глубины сознания.

Именно в этот момент он поймал себя на мысли, что вполне адаптировался к местным условиям. И теперь, если он всё правильно понимает, нужно принимать решение: либо двигать куда-то в поисках возможной разумной жизни, надеясь найти её до того, как зима вступит в свои права. Либо готовиться к зимовке здесь, на этом самом месте. Оба варианта со всеми вытекающими последствиями имели как явные плюсы, так и минусы.

Природа вокруг стояла отнюдь не африканская, но и далеко не северная, что Мишку больше всего и смущало. Не зная точно, как тут меняются времена года, и, уйдя, допустим, в поисках лучшего «места под солнцем», можно было по дурости нарваться на такие неприятности, которые несовместимы с жизнью. Но и сидеть на месте тоже не вариант. Как говорится в поговорке: «Под лежачий камень вода не течёт». Было бы откровенно обидно пропустить все гипотетические варианты спасения только из-за того, что даже не попытался исследовать окружающий мир, а тупо сидел на месте. Вдруг вокруг существует высокоразвитая цивилизация, которая ждёт не дожждётся, когда он до неё доберётся и бросится в её объятия. Или племя людоедов с теми же намерениями, только с гастрономическим уклоном... В итоге, наплевав на сомнения, решил с утра попробовать прогуляться вдоль ручья на длину дневного перехода, а там – как пойдёт.

Идея была здравая. Но вот действительность её подмочила – как обычно.

Наутро Мишка проснулся от падавших на его макушку капель воды. Не сказать, что дождь был как-то особенно силён, скорее – наоборот, да и закончился быстро, но было зябко. Спустившись на землю и отряхнувшись, Мишка принялся ворошить палочкой потухшие за ночь угли: несмотря на то что сверху всё было залито водой, внутри всё же нашлись слабо тлеющие угли. Подкинув к ним сухих, лежащих возле самого ствола и потому не промокших веток, старательно раздул огонёк, а потом протянул к нему руки. Жара пропала, как и не было её. До холодов, скорее всего, ещё тоже далеко, но вот так просто на ветке уже не поночуешь: прохладно. Дальше будет только холодать. Поэтому если оставаться на месте, надо строить жилище. Мишка хмыкнул про себя: ещё один повод пуститься на поиски хоть чего-нибудь. Делать себе «дом», скорее всего, полушалаш-полуземлянку, имея в качестве инструментов каменную булаву и грубый кремневый нож – удовольствие, сравнимое с каторгой.

Сняв с веток висевшие на просушке, но промокшие шкурки, отделил те, что висели давно, и выкинув свежие, которые теперь наверняка загниют. Связал их оставшимися ремешками вместе, в середине между двумя оставил место, чтобы просунуть туда голову. Получилось что-то типа пончо: полуплащ-полурубашка. Края под мышками тоже связал на ремешки, чтобы не мешались.

В таком виде, повесив в петлю на набедренной повязке булаву, подхватив дротики, копьёметалку, надев на плечо котомку с лепёшками, Мишка двинулся вниз по течению ручья.

Дождь, прекратившийся было совсем, со временем усилился. Мишка шёл вдоль кромки воды, старательно обходя намокшие камни и не спеша подниматься на крутой склон. Там, на границе, где крутой берег переходит в плоскую степь, обильно рос густой кустарник, передвигаться по которому было совершенно невозможно. У русла, конечно, много осыпей, размытого грунта и прочей прелести, но всё же было гораздо привычнее, чем прорываться через непролазную поросль. Размеренные движения гоняли кровь по мышцам, не давая замёрзнуть, несмотря на заметное снижение температуры и вездесущую влагу. Но это пока. Мишка промок. Накидка из шкур ещё держалась, большинство капель соскальзывало по сальной шерсти вниз, не намачивая саму кожу и Мишку под ней. Но отросшие волосы были насквозь сырые, и из-под них струился целый ручеек по шее и между лопаток... По ощущениям, он шёл уже больше четырех часов, всего пару раз останавливаясь перекусить лепёшкой и не отвлекаясь на охоту. Хотя останавливаться, если честно, не особо хотелось вообще, льющаяся с неба вода не располагала ни к отдыху, ни к другому какому-либо мероприятию. Нужно было сухое, закрытое от дождя место, где можно отсидеться, перевести дух и, возможно, попробовать развести костёр, что в таких условиях само по себе будет сложно реализуемо.

Ещё где-то час Мишка упорно продвигался вниз по течению, пока не наткнулся на массивный наплыв склона над руслом. Ручей, а скорее уже маленькая речка, огибал левым поворотом торчащий вертикально прямо по руслу здоровенный, размером с нормальный дом, валунище. Справа склон съехал, вероятно, подрезанный потоком весеннего паводка, и упёрся торцом в огромную каменюку. Часть земли и глины, естественно, обвалилась, но остальное осталось, образовав довольно обширную природную арку. Весенние воды смыли грунт из основания, оставив на ровной площадке разбросанные камни и голую глину. Вот на ней Мишка и решил остановиться. Как бы ни было здесь весной, но сейчас на ней было сухо, водный поток проходил больше чем в двух метрах ниже, и никакой опасности не представлял.

Забравшись в эту арку, Мишка хмуро огляделся по сторонам. Убедившись, что всё в порядке, скинул с себя промокшие завонявшие шкуры, как мог, отжал волосы, стёр ладонью со лба натёкшую воду. Настроение было отвратительное. Если этот драный дождь не прекратится в ближайшее время, то на планах поплотнее обследовать окружающий мир можно будет ставить жирный крест. И если с утра Мишка ещё на что-то надеялся и пёр сегодня весь день на этой самой надежде и природном упрямстве, то сейчас он в полной мере осознал бесперспективность этой жертвы. Надо было возвращаться на обжитое место и уже там целенаправленно и основательно готовиться к зимовке. Строить сухой надёжный дом с обширной кладовой, обзаводиться посудой, готовить запасы...

Для всего этого неплохо было бы изготовить более серьезный инструмент. Мишка с некоторой долей скептицизма посмотрел на свои дротики и булаву, потом достал из-за пояса короткий кремневый нож. Железный был бы гораздо лучше. Ну что же, как вещал с кафедры, гордо воздев палец к небу, геолог Мишкиного курса: «Железо есть везде. Один из самых распространённых в земной коре металлов». И если есть, то надо искать. Мишка хмыкнул и проворчал себе под нос:

– Ещё бы найти.

Перехватив нож поудобнее, вылез наружу, забрался по камням на склон и принялся резать ветки кустарника. Может, они сейчас и сырые и гореть так просто не будут, но кто сказал, что через час и в сухом месте они не просохнут? А с костром будет гораздо уютнее, не говоря уже о возможности просушиться. Срезав две большие охапки прутьев, не менее большую охапку травы и перетащив всё это под природный навес, Мишка, подхватив булаву, снова полез под дождь. Наверху заметил торчащую из земли корягу, и, чтобы ее вывернуть, возможно, потребуется поработать ею в качестве кувалды.

Дождь снова усилился, стекающие по волосам ручейки заливали глаза, руки скользили по склизкой коре. Но основная работа всё же была сделана, и уже почти вывороченная коряга ни в какую не хотела вылезать из земли, корни, видимо, ещё крепко держали. Миша поднял из травы свое орудие, поудобнее перехватил, намереваясь размочалить нижнюю часть ствола, чтобы потом выкрутить, оборвав или порезав каменным ножом получившиеся волокна, когда обострившийся за последние недели слух вычленил в привычном уже шуме падающего с неба дождя незнакомый звук.

Тело среагировало само. Мишка не успел даже подумать, как оказался летящим в сторону, а на том месте, где он только что стоял, с лязгом защёлкнулись могучие челюсти. Едва коснувшись земли, развернулся, увидел разинутую вытянутую морду, метнущуюся к нему, и тут же отпрыгнул спиной вперёд, с размаха опуская булаву на место, где только что сам стоял. Камень на конце ударил череп с краю, разворачивая глазницу и смещая в сторону массивную голову. Пока зверь не очухался, замахнулся еще раз. Удар снова пришёлся в вытянутую переднюю часть головы, челюсти с «кляцем» захлопнулись, раздался дикий, полный боли растянутый вой. Мишка, не обращая на него внимания, сместился вбок от мотающейся из стороны в сторону разинутой, наполненной устрашающего вида зубами пасти и со всей силой опустил наверх булавы на хребтину. Отпрыгнул назад, оценивая с расстояния подвижность хищника, перехватил скользкую от воды рукоять, прыгнул вперед в «слепую зону» со стороны подбитого глаза и, со всего маха заехав по основанию задней ноги, ловко отскочил назад. Дождь залеплял глаза, мешая что-либо разглядеть, картинка расплывалась в разводах, но в данный момент это было не важно: зверь потерял подвижность, и Мишка, подсакивая, бил по размазанному темному силуэту на максимальную длину удара и стремительно отскакивал назад. Бил, пока не понял, что лежащий на земле зверь давно уже не подаёт признаков жизни. Тогда сел, протёр тыльной стороной ладони глаза, убрал с лица налипшие волосы и отпустил заляпанную кровью булаву.

Мишке было нестерпимо жарко. Несмотря на дождь, вода на лице была солёная от пота, вздувшиеся мышцы натяжно гудели. Его трясло от переизбытка адреналина, одновременно тошнило и хотелось есть. Всё вокруг – падающие с неба капли дождя, ветер, колышущий траву, всё было как-то несуразно медленно и только сейчас начинало ускоряться к привычному ритму. Мишка стоял, смотрел на это, на лежащее на земле тело, в полтора раза больше, чем он сам, чувствовал, как стекающая по голому торсу влага приятно охлаждает, как унимаются, ноют от внезапного напряжения мышцы и связки, и тихо фигел от происходящего.

Страх, как ни странно, не было, как и радости или других сильных эмоций. Зато было чувство удовлетворения. И ещё Мишка осознал, понял наконец, что двигался он со скоростью гораздо большей, чем та, на которую способен обычный человек. И вся эта его ловля оводов на лету (и та давешняя птица), та скорость реакции, меткие броски дротиков,

всё это напрямую связано с изменениями в его организме, вызванными адаптацией к этому миру. Почему так произошло, Мишка не знал. Но это всё-таки лучше, чем сдохнуть от какой-либо аллергии или банального насморка. Представив такую картину, он криво усмехнулся и тут же согнулся в жёстком приступе рвоты.

Закончив извергать желчь из пустого желудка на землю, Миша устало утёр лицо рукой и подошёл к поверженному противнику. Зверь был крупный, в длину около двух метров, может немного больше, массивный. Он обладал пятнистой серой шерстью и абсолютно чудовищными челюстями с торчащими из разинутой сейчас пасти клыками. Фиолетовый язык был высунут набок, а череп, со снесённым напрочь скальпом (если это значение можно употребить по отношению к животному), зиял глубокими проломами в двух местах, через которые просматривалась розово-серая масса мозгов. Тело представляло собой прямое воплощение силы и угрозы всему живому, имеющему неосторожность попасться на пути у этого монстра. Также был хвост, но выглядел он откровенно несуразно на фоне всего остального.

Рассматривая убитого зверя непонятно какого вида, но, несомненно, хищного, Мишка не мог решить, как с ним поступить? Шкуру, разумеется, нужно снять и забрать с собой. Мясо тоже: вырезать лучшие куски и зажарить или запечь на углях. Остатки потом возьмёт с собой. Ещё можно вырезать печень и съесть её сырой. Мишка прикинул, как он вынимает её окровавленной рукой из вспоротого живота и тут же, прямо на месте, начинает пожирать, невзирая на возможных паразитов и прочую гадость...

– Да ну ее нафиг! – вслух ругнулся и, вытащив из завязки на поясе кремневый нож, принялся за свежевание. – Мясом обойдусь. Или пожарю на углях...

Разделявал тушу долго, закончил уже в темноте. Дождь так и продолжал лить, хотя и стал значительно слабее. Миша перетащил шкуру и сложенную в неё вырезку и часть бедра под арку. Положил в сторонку, а сам принялся за высекание огня. Разложенная тонким слоем трава просохла, но загораться не спешила, и пришлось довольно долго возиться, прежде чем под естественным навесом появились первые, робкие еще языки пламени. Подкинув в костёр все набранные прутья кустарника, закинув туда же выдернутую из земли корягу, Миша пристроил сбоку расстеленную накидку, а сам присел на оставшуюся копну просохшего сена и принялся насаживать кусочки мяса на оставшиеся прутьики. Подобрал несколько из валявшихся здесь же камней и пристроил на краю костра. На них поставил самый большой и плоский, и принялся ждать, пока тот раскалится, бросая голодные взгляды на разложенную тут же печень. Сырой её есть он не рискнул, несмотря на то что есть хотелось до рези в животе: Мишка точно знал, что печень бурого медведя есть нельзя. Почему – не помнил.

Костёр нещадно дымил, большая часть дыма сносилась в сторону и растворялась в темноте ночи, но приятного всё равно было мало. Камень, наконец, раскалился, Мишка выложил на него тонко нарезанные кусочки мяса, немного подумал, и ломтики печени положил в стороне. Теперь к запаху дыма примешался ещё и распалюющий аппетит аромат. Рот моментально наполнился слюной, и Мишке пришлось сглотнуть её, чтобы не захлебнуться, в переносном, конечно, смысле. Подождав ещё немного, схватил пруттик с подрумянившимся уже кусочком и с огромным удовольствием впился в него зубами. Из-под корочки мгновенно прыснул сок, потёк по подбородку, рукам... Сейчас парню на это было наплевать: его организм добрался до еды, и он не имел никакого намерения мешать ему восполнять потерянную за день перехода и неожиданную короткую схватку энергию.

Первые три куска он проглотил, не разбирая особо ни вкуса, ни запаха, а вот последующие, которые снимал уже с камня, ел более медленно и обстоятельно. Мясо было довольно жестким и жирным, на вкус чем-то неуловимо напоминало баранину.

Наконец, поборов первый голод и выложив для жарки вторую порцию, обратил внимание на печень. Выглядела она аппетитно, шкворчала на раскаленном камне и манила подрумянившимся боком... Мишка уже протянул руку с прутиком, чтобы насадить кусочек, но, передумав, отдернул её обратно. Печень – не та штука, чтобы с ней шутить. А бережёного, как известно, Бог бережёт. Врачей тут поблизости нет, больниц тоже не наблюдается. И погибать от острого отравления или быть заживо съеденным паразитами Мишке как-то не хотелось. Недолго думая, он подхватил зажарившийся кусок и выкинул в бурлящий ручей. Через мгновение и остальная часть печени полетела следом. Ну её подальше, чтобы не было соблазна.

Через некоторое время, покончив с едой, Миша снова выскочил под дождь, нарезал на склоне пучок прутьев и, подкинув их в костёр, принялся за добытую шкуру. Долго выскрабливал мездру и натирал внутреннюю часть золой. Потом скрутил её, перетянув кожаным ремешком, чтобы держалась, передвинул прогоревшую кривулину, подкинул в костёр ещё прутьев и развалился на постеленной на землю накидке из сурковых шкурок.

Костер уютно потрескивал, дымил, наполняя пространство под навесом запахом гари, снаружи шёл дождь и какая-то возня, но Миша всего этого не видел, он тихо посапывал во сне, повернувшись спиной к огню. На губах его была сытая улыбка, а правая рука цепко держалась за рукоять булавы.

Утром дождь так и не прекратился. Недовольно косясь на морось, Миша разворошил остатки костра, прогоревшие в труху угли, и вытащил на свет четыре толстых, размером с небольшой арбуз, глиняных шара неправильной формы. С силой ударил камнем по одному из них, за образовавшуюся трещину разломил половинки в стороны и с удовольствием принялся к расплывшемуся в воздухе вокруг запаху. Определенно вчерашняя идея запечь остатки мяса в глине удалась.

Ещё до того как заняться шкурой, Мишка понял, что всего мяса, что он добыл, за раз ему не съесть. Жарить всё на камнях смысла особого тоже не было, не будет оно храниться, если только до утра. Но на утро и так уже осталось. Что же делать с остальным? А ещё надо со шкурой как-то расправиться: если он, конечно, хочет её заполучить. Но и дать пропасть довольно большому количеству чистого мяса было бы просто глупо. И тогда Мишка поступил так, как планировал поступить, если вдруг поймает какую-либо мало-мальски крупную птицу. То есть запечь в глине целиком, способом широко разрекламированном в целом сонме литературы, хоть каким-то боком относящимся к охотничьей тематике. Именно по этой же причине глины взял с изрядным запасом, охотники они, как известно, ребята хоть и правдивые, но не во всем... Тем не менее древний способ дал прекрасный результат. Мясо внутри глиняного кома прекрасно пропеклось, и в ближайшие пару дней наверняка не испортится.

Обстоятельно перекусив, расколунав, очищая от спекшейся глины остальные куски и сложив их в котомку, Миша поднялся, посмотрел на мелкий дождь снаружи, вздохнул. Подвязал на спину скрученную шкуру давешнего хищника, огляделся по сторонам, проверяя все ли взял, поудобнее перехватил булаву и вышел под дождь. Вначале поднялся на склон, миновав кусты, дошёл до того места, где на него вчера напал зверь. На примятой траве ещё остались видны следы борьбы, кровь... Но вот самой туши не было! Осталось несколько

обглоданных костей да след из продранной измазанной кровью и какими-то ошметками травы, уходящий в степь.

Вот так вот.

– А жизнь-то меняется... – невесело проворчал Мишка и пошёл обратно к ручью. – А еще я начал разговаривать сам с собой. Чёрт...

Обратный путь прошёл на удивление медленно, и к месту своей прежней стоянки Миша вышел уже почти в темноте. Благо дождь все же соизволил прекратиться. Но особых иллюзий по этому поводу испытывать не приходилось, потому как небо заполнили тёмные, тяжёлые от ещё не пролитой на землю воды тучи. Теперь стало очевидно, что как раньше, под деревом, в буквальном смысле этого слова, не отсидеться, и надо спешно обзаводиться каким-либо более подходящим жильем, одинаково хорошо защищенном как от влаги, так и от возможных морозов.

Костёр в этот вечер развести не получилось, поэтому Мишка сидел на своей такой уже привычной ветке, жевал ломтики печеного мяса, что отхватывал острой гранью кремневого ножа от цельного куска и обдумывал перспективы. А в перспективе была дождливая осень и, как самый худший вариант, морозная зима. И чтобы это всё пережить, надо иметь соответствующую инфраструктуру... Её, разумеется, нет, как и подходящего инструмента для её же потенциального изготовления. Потому как чтобы выкопать ту же землянку, например, очень неплохо было бы иметь нормальную стальную лопату. Деревянной, конечно копать тоже можно... Но и её тоже хрен изготовишь за короткое время, ещё и из нормальной твердой породы дерева, чтобы не крошилось и не «мочалилось» от грунта... Ну-ну, кремневый инструмент, как говорится, в помощь.

С самого утра Мишка обходил окрестности, выискивая подходящее для будущего жилища место. Самым идеальным вариантом была бы какая-либо сухая пещерка на склоне холма, но её, как и следовало ожидать, не нашлось. А из более или менее ровных площадок, чтобы не у самого подножия, была только та, которую он уже облюбовал для своей временной стоянки. По размеру она была, конечно, не совсем чтобы большая, но чтобы разместить на ней небольшую хижину, места должно хватить с лихвой.

Не откладывая дело в «долгий ящик», тем более – пока не начался дождь, Мишка вбил в предполагаемые углы по выбранной из валежника палке, чтобы получился прямоугольник, на глаз так три на четыре с половиной метра, и уселся в центре, с задумчивым видом обозревая получившийся контур. В теории пространства внутри ему должно было хватить, но это пока нет стен, крыши и предполагаемого очага, то есть ничего. Теперь осталось решить вопрос: из чего всё же этот дом построить...

Палок различной кривизны Мишка набрал приличную кучу довольно легко. Навтыкал по периметру, оконтуривая будущее жилище. Вначале выбирал деревяшки длиной около двух метров, вкапывал их на две ладони, затем связывал друг с другом ободранной корой. Но от такой методы пришлось довольно быстро отказаться. Несмотря на обилие древесного материала, подходящего набралось совсем ничего – штук тридцать двухметровых и с десятков жердин пяти метров и больше. Но эти Миша сразу отложил на крышу. Потому как какой бы дом ни получился и из чего бы ни был сделан, а крышу делать придётся в любом случае из них.

Разложив все на импровизированной стройплощадке, Мишка отошёл поодаль, поднялся вверх по склону, забрался с ногами на торчащий из него камень и уже с камня попытался взглянуть на стройку «со стороны». Деревяшки явно не хватало... Нет, различного хвороста,

палок, опавших ветвей, всего этого было в избытке. Но абсолютное большинство из этого годилось только для костра или небольших поделок. Всё. На этом древесные ресурсы практически исчерпывались. Можно, конечно, было ещё наломать немного веток с живых деревьев. Но в правильности этого пути Миша довольно сильно сомневался. Трудоемко и долго, даже с железным инструментом. А уж без него...

Мысль попытаться с помощью огня свалить большое дерево гнал от себя как мог. Мало того, что не факт, что получится. Так если и получится, то как потом это бревно куда надо доставить и затем обрабатывать? Лениным^[1], чтобы брёвна на плече таскать, Мишка себя явно не ощущал. А инструмент у него такой, что скорее сам сломается, чем древесину обработает. Да и вообще: нафига ему это, пусть даже и обработанное, бревно, что с ним делать? Деревья на холмах хоть и не особо высокие, но все поголовно крупные, с массивными стволами и ветвями, подростка мало. Всё правильно, другие в степных условиях и не выживают. Огромное плоское пространство, где ветру противостоит только трава, в принципе не способствует высокой парусности, и наверняка иной раз его порывы достигают достаточной силы, чтобы повалить чрезмерно выросшего или одряхлевшего исполина. И вот там, где он упал, и устремляется к жаркому степному солнцу подрост, множество побегов юных деревьев, которые годами лежали семенами в земле, ожидая своего часа. Такое Миша уже видел не раз и не два, но не сказать, чтобы часто и повсеместно. Мало на холмах молодняка, не то что кустарника, похожего на обычную иву. Его в низовье много, а ещё больше его по берегам ручья. Но куда его применить? Разве что корзины наплести, короб на спину или плетень какой, как в фильмах показывали...

Так с мыслями о коробе и плетне Мишка подскочил и опрометью помчался в сторону ручья, там нарезал охапку прутьев, обвязал ремешком и побежал обратно. К ближайшей жердине, обозначавшей угол, приставил ещё одну на расстоянии чуть меньше метра, между ними вкопал палку поменьше и пропустил через них, изгибая зигзагом, пруттик. Следующий пропустил так же, только изгиб сделал в другую сторону, чтобы не перекосило. Потом ещё один, ещё... Так он истратил всю принесённую охапку, но дело было сделано. Перед ним сейчас был участок плетёной, пусть и довольно грубо, стены шириною почти что в метр и высотой почти до середины бедра. Если его ужать вниз, чтобы зазоры между прутьями были поменьше – будет по колено. Корзинка, конечно, но если её снаружи обмазать глиной, получится уже стенка... Миша отошёл на несколько шагов назад, полюбовался немного и не спеша двинулся обратно к ручью нарезать новый пучок прутьев. Корзинка корзинкой, но если поставить такие стенки в два ряда, а промежуток между ними заполнить глиной с песком и природным щебнем, может получиться очень даже серьёзная конструкция... А потом её ещё свежесрезанным дерном сверху покрыть...

Весь оставшийся день он посвятил заготовке, прерываясь лишь на короткое время обеда – доедал печёное мясо. А вечером, при свете костра продолжил плетение стен. Спать лёг глубокой ночью, в первый раз, наверное, в этом мире испытал чувство удовлетворения собой и своими действиями.

Следующим днём работу продолжил, но очень скоро убедился в опрометчивости такого решения, так как недовольное урчание в животе красноречиво напомнило о том, что завтрак пропускать нехорошо. Мясо кончилось ещё вчера, запасов злаков Мишка вообще не делал, так что недолго собравшись, привычно подхватив дротики, копьеметалку и булаву, в очередной раз взглянув на кучку веток кустарника и незаконченный плетень, отправился на охоту.

Степь изменилась. Там, где еще недавно беспредельно властвовала желтая, сухая от зноя палящего с неба солнца трава, теперь бушевало бескрайнее зелёное море. Ветер гонял по нему причудливые травяные волны, а на горизонте виднелись темные струи проливающегося с низких облаков ливня. Все это огромное пространство за каких-то несколько дождливых дней преобразилось до неузнаваемости. Всё, включая животный мир.

Ни одного суслика в этот раз Миша не нашёл, хотя и обошёл все ближайшие норы. То ли ушли жирные грызуны куда-то, то ли попрятались до лучших времен в глубине своих подземных убежищ. Не суть дела. Привычный уже образ жизни начинал стремительно меняться, и Мишка встречал перемены с радостным, непонятно откуда взявшимся возбуждением. И хотя прекрасно понимал, что, скорее всего, это приведёт к целому ряду опасных, трудно разрешимых проблем, поделаться с собой ничего не мог.

На птицу он наткнулся практически случайно, услышав слева от себя приглушенное расстоянием низкое клекотание. Вначале замер на месте, вычлняя из шума колышущейся на ветру травы непривычные звуки, а затем, определившись с направлением, пригнувшись и перехватив поудобнее копьёметалку с наложенным на нее дротиком, двинулся к цели. Ветер дул в лицо, поэтому особо сильно Мишка не скрывался: запах и негромкие звуки снесёт в сторону. Метров через двадцать он смог разглядеть источник непривычных звуков, и чуть было не чертыхнулся вслух, запоганив всю маскировку...

На небольшой полянке, почти свободной от вездесущего разнотравья, которую обычно выедают суслики в радиусе пяти-шести метров вокруг мест своих обиталищ, стояла крупная, высотой с него самого, птица. В когтях ног сжимала покромсанную тушку, крупным измазанным в крови клювом выдергивала из нее внутренности и, запрокинув к небу голову, проглатывала их. Потом недолго осматривалась по сторонам крупными, расположенными по обе стороны головы глазами и повторяла процедуру сначала. Несмотря на размер, особо массивной птица не выглядела и чем-то напоминала индейку, если бы не массивный, хищно загнутый клюв...

Вот он-то Мишку и смущал. С другой стороны, птица крупная, мяса в ней должно быть много, а веса, как и во всех пернатых, не особо... К тому же от «дома» он совсем не далеко, не то что в прошлый раз. Ещё некоторое время наблюдал со стороны, прикидывая варианты и, наконец, вытащив левой рукой из-за пояса булаву, занёс зажатую в правой копьёметалку, для броска.

Дротик, со свистом рассекая воздух, впился птице в грудь и повис, торча из густых коричневых перьев. Мишке особо разглядывать было некогда, он уже положил на ложе новый снаряд и отвёл руку для второго броска. Дротик уже умчался к цели, когда раздался громкий клёкот, и раздуваясь от вздыбленных перьев дичь, громко клацнув клювом, бросилась на охотника. Второй снаряд впился было в тело, но почти сразу упал на землю, жёсткие перья в этот раз довольно сильно смягчили удар.

Птица неожиданно быстро, буквально в три прыжка, преодолела разделяющие их десять метров расстояния и ударила клювом. Отскочивший вбок Миша еле увернулся, и взмах булавой, которым изначально планировал если не убить, то оглушить пернатого хищника, пришелся по сухой голени, которой та, не попав клювом, пыталась его достать. Птица проворно отскочила в сторону, хоть и подволакивая ногу. Мишка тоже.

[Купить полную версию книги](#)

Имеется ввиду знаменитая картинка из учебников, где изображен Владимир Ильич Ульянов (Ленин), который держит на плече здоровенное бревно, а также вариации советских художников на эту тему.